

ПРАЖСКАЯ
РУСЬ

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ВАРЯГ
СМЕРТИ НЕТ

Варяг

Александр Мазин

Варяг. Смерти нет

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мазин А. В.

Варяг. Смерти нет / А. В. Мазин — «Эксмо», 2021 — (Варяг)

ISBN 978-5-04-118958-7

Соратник великого полководца Святослава, советник первого из государей Руси Владимира, он прожил долгую и славную жизнь, но смерти нет для настоящего воина. И вот – новая жизнь, в которую Сергей Духарев входит не могучим и властным князем-воеводой, а бесправным и слабым мальчишкой без рода и родни. Зато он снова молод, а вокруг мир, в котором наверняка найдется место для славного воина, которым он несомненно станет... Если выживет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118958-7

© Мазин А. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Вступление от автора	6
Часть первая	7
Глава 1,	7
Глава 2,	15
Глава 3,	20
Глава 4,	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7,	35
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10,	43
Глава 11	45
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Владимирович Мазин

Варяг. Смерти нет

© Мазин А. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вступление от автора

Так вышло, что первая книга Варяга начинается в середине десятого века, то есть в конце правления великого князя Игоря. И один из самых интересных правителей нашего Средневековья князь Олег Вещий остался «за кадром» моей истории. Правитель, в отличие от наследовавшего ему князя Игоря, сильный, успешный и умелый. Расширивший пределы государства, изрядно потеснивший хазар и устоявший перед натиском появившихся в степях печенегов.

То есть это был чрезвычайно интересный фрагмент истории, о котором мне очень хотелось написать, но линейность повествования не позволяла. Именно ради такой возможности я все-таки решился вторично нарушить правила исторического романа и дать возможность Сергею Духареву войти во временное пространство ещё раз. Чтобы восполнить для себя и для вас, друзья мои, упущенный мною фрагмент истории Древней Руси.

Часть первая Легко не будет

Глава 1, в которой князь-воевода моровский обнаруживает, что он больше не князь и даже не свободный человек

Очень страшно. Хочется забиться в щель, как таракану. Кровь, кровь вокруг. На земле, на одежде... Везде. Заползти вон хоть в будку собачью. Нет, лучше под крыльцо. Там деревяшка отходит, если потянуть. Там местечко махонькое, но ведь залезал когда-то. В те времена, когда ещё в одной рубахе бегал. Заползти тихонько, не услышат. Вон как вокруг кричат. Аж сердцу больно. Вот так, деревяшку в сторону... Голова прошла, а значит, и весь...

Рывок, да такой, что затрещали порты. Боль обжигает руку, и он уже снаружи. Висит над землёй. А сверху – огромная бородатая рожа. Алые свежие брызги на щеках и уже запёкшиеся, потемневшие – на волосатой ручище. И зубастая пасть, изрыгающая звуки, похожие на собачий лай.

Теперь уже не страх – ужас. Струйка течёт по ноге, льётся на землю.

Чудовище рывкает ещё раз – он летит наземь, ударяется головой...

Последняя быстрая мысль, ещё в полёте: спрятаться хоть куда-нибудь. И пусть всё быстрее закончится.

А дальше – пустота.

Мир прояснился. Сергей лежал на боку. Перед ним, метрах в полутора – внутренняя сторона борта. Просмолённые шнуры меж досок, тронутые ржавчиной шляпки гвоздей.

Лежать было не больно. Неудобно, да. Но совсем не больно. Вообще нигде не болело.

А ещё Сергей немного замёрз.

Аккуратно, чтобы не нагрузить лишний раз спину, хотя та почему-то совсем не ныла, Сергей повернулся на бок, потом сел.

Точно, он на корабле. На корме лоды. Верней, драккара, потому что туго натянутый парус украшал Торев молот.

Очень загадочно.

Хотелось есть, пить и обегчиться. В возрастающей последовательности. И вдобавок странное ощущение: будто Сергей сейчас взлетит.

И ещё: мир изменился. Виделся чётко и был полон звуков и запахов, которые трудно назвать приятными.

И тут Сергей увидел свои босые ноги. Вернее, это были точно не его ноги, потому что они были меньше, тоньше и торчали из грубых холщовых штанов, в которых по осеннему времени даже его, князь-воеводы, холопы не ходили.

И руки тоже были не его. Маленькие, без характерных мозолей от меча на ладонях. Сергей сжал кулаки. Это оказалось легко, потому что пальцы стали гибкими. Однако сами кулаки при этом сжались как-то неправильно. Не так, как раньше.

Сергей провёл рукой по лицу. Лицо оказалось тоже не его. Голое и гладкое, как у женщины. Испугавшись, Сергей сунул руку... Нет, всё нормально. Пол мужской. Хотя и в штанах тоже... Не его.

Вот же... ситуация.

Может, он умер и попал куда-то... Куда? На рай или ад не похоже. Во всяком случае, если верить священникам.

В Валхаллу? Тоже вряд ли. Там он наверняка в воинах был бы. По совокупности деяний. Может, это Ирий?

Но тогда почему на парусе молот Тора? И откуда в Ирии эти двое, что сидят на палубе и что-то жрут? Они же, судя по причёске, одежке и татушкам, явные нурманы.

Так, стоп.

А почему он, собственно, решил, что умер? Может, его душа перепорхнула в какое-то другое тело?

Так, снова стоп. Это пока неважно. Что он помнит? Последнее?

Так. Последнее, это когда его какой-то великан сцапал, а он в штаны напрудил.

А до того?

А до того он – в Киеве. Верхом на Пепле спускается по узкой улочке, и прохожие уступают ему дорогу. Многие кланяются.

А он смотрит вперёд, стараясь сохранить строгое выражение лица и держать прямой спину, в которую жадно вгрызается боль.

«Я – князь моровский, Сергей, – напомнил он сам себе. – У меня двое родных сыновей и один приёмный. А ещё дочь, которая замужем за благородным Йонахом бар Машегом. И ещё у меня жена, Сладислава, которую я очень люблю...»

Блин! Если он умер, Сладе будет тяжело. Сколько лет они вместе? Пятьдесят? И жива ли она?

Этого не помнилось. Но не помнилось и её смерти.

Сергей вдохнул, выдохнул и огляделся.

Корма драккара. Вокруг какие-то тюки. И какие-то люди. Человек двадцать. Мужчины, женщины, шестеро подростков обоего пола. Большинство спят, свернувшись клубочком или прижавшись друг к другу. Одежда на всех... Ну, примерно, как у него. Рабская. И кожаные ошейники. Рука сама потянулась к шее. Точно, кожаная полоска. Достаточно свободная, чтобы не мешала, но, не разрезав, не снять.

Выходит, он теперь раб?

Сергей ещё раз оцупал шею. Потёртости на ней имелись, но не мозоли. Значит, ошейник на него надели недавно.

Он ещё раз оглядел своих... братьев по несчастью?

Воев среди них точно не было. Не то телосложение. Смерды, скорее всего. Учитывая, на каком корабле они плывут, выстроить логическую цепочку не так уж трудно. Их всех захватили нурманы¹. Причём относительно недавно. Получается, он теперь раб?

Ну, подобное с Сергеем уже случалось. Правда, тогда он был здоровенным парнем с пудовыми кулаками... И нулевыми навыками владения оружием.

Теперь, судя по тому, что он видит, до здоровенного парня ему ещё расти и расти.

А как с остальным? С навыками?

Сергей встал. Получилось легко и просто. Уже лет двадцать такой лёгкости не было.

Ну-ка... Сергей без труда запрыгнул на ящик... И еле удержался.

С равновесием точно было что-то не то. Хотя голова не кружится. Просто как-то... неловко.

Ухватившись за борт, Сергей одной рукой развязал портки и с наслаждением пустил струю. Вода, бегущая вдоль борта, явно была речной. Вернее, озёрной. И берег – знакомым. О! Это же Ладога!

¹ Напомню: нурманы (норманны) – «люди севера». В основном – скандинавы. Даны (датчане), свеи (шведы), норег (норвежцы). Впрочем, в эту эпоху такого чёткого деления не было.

Он отпустил борт, чтобы завязать гашник... И едва не грохнулся. С равновесием, похоже, совсем швах. Пришлось спрыгнуть, придерживав штаны, и завязать шнурок уже на палубе.

Так, а что у нас впереди?

А впереди было десятка четыре нурманов: кто на палубе, кто на румах. Но вёсла убраны. Драккар шёл под парусом.

Сергей оглянулся. Кормчий. Тоже нурман. Матёрый. Пегая борода заплетена в две косицы, упрятанные под кожаный жилет.

Глядя на кормчего, Сергей вдруг ощутил страх. Забытое чувство. И понимание: это не его страх. Это что-то... физиологическое. Князь-воевода тоже мог испугаться. В том числе и нурмана, если тот реально опасен.

Но сейчас он боялся не так. Тогда был страх воина. Не слабость в коленках, а осознание опасности и готовность встретить её как подобает.

Теперешний страх был совсем другим. Испугом зайчишки, увидевшего волчью пасть.

Мгновением позже Сергей сообразил: страх не его. Боялся мальчишка, в тело которого он угодил. Страх маленького смерда, ребёнка, проникший через волевою броню опытного воина.

Понять-то он понял, но что теперь с этим делать? Коленки-то дрожат по-настоящему.

Так, сесть и расслабиться. Чего он боится? Что его убьют? Он – воин. Воин, который боится смерти? Смешно. Да и не станет нурман убивать раба. Зачем? Обойтись может как-нибудь по-нехорошему? Ну да, это у них запросто. Но опять-таки калечить его не станут. Нурманы рачительны, имущество берегут. Да и похуже с ним бывало! И пытали его. И травили. И убивали почти до смерти. Жена потом по косточкам собирала. И вообще: что такое боль, если правильно к ней относиться? Развития без боли не бывает. Так что придётся этому маленькому телу к ней привыкать. И к боли, и к опасности. Потому что жить рабом Сергей не собирается.

Да, он больше не князь. У него нет дружины, земель, связей, богатства. Нет византийского гражданства и друзей из числа владык. Но всё вышеперечисленное ему, Сергею Духареву, никто не дарил. Сам добыл. И снова добудет, ведь впереди, похоже, новая жизнь. А это, блин, гораздо лучше, чем старость. Чем боль, которая никогда не прекратится.

Только одна потеря – действительно потеря. Родные, которых он никогда не увидит. Друзья...

Накатило внезапно. Аж зубами закрипел. Ни жены, ни детей он никогда больше не увидит! Он один, совсем один в злом, чужом мире!

К собственной боли добавился ужас мальчишки. Захотелось забиться куда-нибудь под скамью, свернуться в клубочек и скулить...

Стоп!

Сергей медленно вдохнул-выдохнул, обуздывая эмоции. Слабость духа он точно не может себе позволить. С такими-то тощими ручонками. Наблюдать, думать, анализировать. Разобраться, куда он попал, что преподнесла новая жизнь.

Ну и постараться эту жизнь сохранить. Ему и в восемьдесят с лишком умирать не хотелось, а уж терять эту, новую, юную, кипящую в каждой клеточке мальчишеского тельца, это уж совсем было бы неправильно. Мелкий? Вырастет. Хилый? Поздоровеет. Конечно, он выживет. Какие могут быть сомнения? С его опытом, жизненными и воинскими умениями, знаниями. Да он тут всех в бараний рог скрутит, дайте срок.

– Жрать сюда, – по-словенски, с акцентом прорычал нурман.

Пленники оживились.

Спящие проснулись, бодрствующие полезли вперёд. Какая-то тётка при этом отпихнула Сергея, едва не сбив с ног. Но он всё же сумел прошмыгнуть, протиснуться между крупными нематыми телами и ухватить пайку. Сергей выбрался из толпы. Так, что у нас?

Кусок варёной рыбы без соли и лепёшка из скверной муки.

Так себе трофей. Рот, однако, моментально наполнился слюной.

– Дай сюда! – грязная волосатая рука потянулась к лепёшке.

Сергей, не глядя, сунул локтем. Движение вышло корявым, но попал он удачно. В глаз. Кудлатый волосатомордый мужик взревел, замахнулся...

И тут вмешался один из нурманов.

Хлопнул волосатого ладонью по роже. Небрежно, беззлобно...

Мужика, однако, унесло метра на два.

– Каждый есть своё! – нравоучительно изрёк нурман. – Кто чужое брать – наказан больно!

Сергей торопливо запихал в рот остатки. Проглотил, давась. Ужасно вкусно!

– Это пить, – сообщил нурман персонально Сергею, указывая на кадку, в которой плескалась озёрная вода.

Кружки не было. Сергей, на этот раз успевший первым, зачерпнул ладонями. Нектар!

Ещё раз зачерпнул... И его оттеснили. Плохо быть маленьким.

– Зарежу тебя, крысёнок, – прошипел волосатый, оказавшись рядом.

Опять накатила страх, но поддаваться было нельзя. Ни за что.

– А ну, пшёл прочь, пёс! – высокомерно пискнул Сергей.

М-да. Голосок тоже не особо.

Внезапно накатила ярость. Ему – пугаться какого-то раба? Да прям!

Волосатый больше него раза в два, и что? Да, ему вполне по силам убить Сергея, теперешнего. Гипотетически. А по факту – нет, не рискнёт. Ишь как в сторону глаз скосил: не заметил ли нурман?

Такой даже в спину ударить не осмелится. Слизняк.

Другой нурман, с властной физиономией и золотым браслетом на правой руке прошептал к корме, вернее, к кормчему. Пленники шарахались с его пути с максимальной прыткостью.

За ним – ещё двое. Лицо одного смутно знакомо. Или кажется? Типичный нурман откуда-то с севера.

А может, и не кажется.

– Глянь, Хродмар, мой цыплёнок ожил! – Цепкие пальцы ухватили Сергея за волосы. Увернуться он не успел. – Что, цыплёнок, сам теперь жрать будешь?

Сергей молчал. Внутри – страх и ненависть. Причём страха намного больше. Даже зубы застучали.

– Оставь его, Скилл, – велел властный. – Всё равно он по-людски не понимает. Хочешь, чтобы он опять трясушкой заболел? Вегест, сколько нам ещё?

Говорили они по-нурмански, а не по-словенски. Но Сергей понимал их прекрасно. Языком людей севера он владел практически как родным.

– Если ветер не стихнет, к полудню будем, – помедлив немного, ответил кормчий.

– Уверен, что нам туда надо?

– Надо, Хродмар. Если ты не хочешь увидеть за кормой драккары Стемида. Лично я не хочу.

Хродмар поскрёб бороду, помолчал, поглядел, как убегают из-под кормы пенные «усы».

– Я тоже не хочу, друг. Но кто знает, как они себя поведут, увидав этих трэлей²?

– Скажем, что купили их в Смоленске. Конунг варягов ушёл к друзьям-свеям. В гарде его сын. Молодой. Мы скажем, он поверит.

– А если...

– Шутишь, хёвдинг³? – угадал вопрос кормчий. – Да кто станет слушать рабов!

² Трэль – раб, тир – рабыня (сканд.)

³ Хёвдинг – вождь.

Оба рассмеялись.

«По-нурмански я понимаю, – подумал Сергей. – А как с другими языками?»

Ромейский, хузарский, печенежский, латынь... В прошлой жизни Сергей знал как минимум дюжину.

– Ты меня успокоил, Вегест, – сказал вождь нурманов. – Давай я встану к веслу, а ты отдохни.

– Держи, – кормчий передал прави́ло. – Пойду поем. Что-то проголодался я.

Но, сделав несколько шагов, он остановился:

– Ты! – указал он пальцем на одну из пленниц, полную, миловидную, с головой, кое-как замотанной не слишком чистой тряпкой. – Со мной!

Глаза женщины расширились от страха. Сидящий рядом с ней мужичок привстал было, но тут же плюхнулся обратно на палубу, а женщина поднялась и безропотно последовала за нурманом.

Никто из пленников не вмешался. На лицах большинства читалось: хорошо, что не меня.

Нурман, приносивший еду, появился опять. Приволок корзину с рыбой, пару ножи́ков и ещё одну корзину, пустую.

– Ты и ты, – выбрал он первых попавшихся. – Чистить, потрошить. Плохое – сюда, – он указал на пустую корзину. – Грязь на палуба – наказание.

Сергея никто не трогал. Никто не пытался с ним заговорить. Никто не мешал ему вставать и ходить от борта к борту. И Сергей ходил, пытаясь освоиться с новым телом. Тело было неплохим, здоровым, но очень неуклюжим. Неправильным. Сергей с удовольствием сделал бы пару-тройку специальных упражнений, да просто поотжимался бы, чтобы определить выносливость.

Но не рискнул привлекать внимание.

Обед ничем не отличался от завтрака.

А примерно через полчаса Хродмара снова сменил кормчий, и драккар начал сбавлять ход.

Восьмерка нурманов ловко убрала парус.

– Сесть, не вставать, не говорить! Кто не так, делать больно! Очень больно! – внушительно сообщил пленникам нурман-«кормилец».

«Варяги, – подумал Сергей. – Мы подходим к варяжскому городу».

Это был шанс. Если их увезут в Скандинавию или ещё дальше, сменить статус станет сложнее.

Вопрос: что предпринять? Что сделать, чтобы обратить на себя внимание? Вегест прав. Кто станет слушать раба? Значит, надо сделать что-то такое особенное.

В голову ничего не приходило. Что ж, придётся импровизировать.

Драккар всё больше замедлялся. Нурманы выкинули за борт кранцы – мешки с шерстью.

Мягкий толчок, и корабль замер. Кормчий – мастер.

С места Сергея не было видно ничего, кроме неба, палубы и нурманов на ней.

Шаги на причале. Не меньше десятка человек. Шаг у всех мягкий, но слышно хорошо. Сергей в очередной раз порадовался улучшившемуся слуху.

– Кто такие? Откуда?

Вопрос был задан по-нурмански и довольно чисто. А голос молодой, звонкий. Вряд ли говорящему больше двадцати.

– Хродмар из Рогаланда, – с достоинством произнёс лидер нурманов. – Ходили с грузом в Смоленск. Теперь возвращаемся. Ты – конунг варяжский?

– Я его сын.

Судя по холодному тону варяга, лесь не сработала.

– Позволишь быть у тебя гостем?

Тот, кто назвался сыном конунга, с ответом не торопился.

– Ты не думай! Мы уж отдаримся за гостеприимство! – пообещал нурман.

– Что ж, Хродмар из Рогаланда, я...

Всё. Надо действовать. Как только Хродмара объявят гостем, он окажется под защитой варягов.

– Княжич! – пискнул Сергей, вскакивая. – Не дай свершиться неправде!

Вышло не особо солидно.

И присматривавший за рабами нурман тут же сунул Сергею в голову древком копья. Небрежно так сунул, однако Сергей увернулся – с невероятным трудом, даже равновесие потерял, пришлось за борт ухватиться. И уж второй тычок точно пришёлся бы по голове, если бы княжич, действительно молодой, с едва пробивающимися усиками, не скомандовал жёстко:

– Не трогать!

Вряд ли это остановило бы нурмана. Ему варяг не указ. Но Сергей исхитрился перемахнуть через борт и тяжело, хотя высота была всего метра два, приземлиться на доски причала.

Княжич поглядел на Сергея с сомнением. Рядом с ним, но чуть позади – одиннадцать варягов. Четверо – гридни, остальные – отроки. Но взрослые. Рослые и крепкие. С таким не всякий гридень управится.

Сергей глянул направо. Ага, город. И место вроде знакомое.

– Трэль мой, – небрежно уронил Хродмар. – В Смоленске купил. Маленький, глупый, дерзкий. Раза три собирался его за борт выкинуть, да всё жалел. Надеялся, утихомирится. Теперь, видно, оскотить придётся, иначе не успокоится.

– Лжешь! – пискнул Сергей, выпрямляясь. – Воровски ты меня схватил. И других тоже.

И тут он узнал княжича. Непонятно даже как, потому что нынче у того не было страшного шрама, изуродовавшего лицо, и обе ноги на месте. И ещё тот куда моложе, чем когда Духарев встретил его впервые. Никак не больше двадцати, а то и моложе.

Сергей узнал его даже не зрением, а некоей внутренней чуйкой. Просто ощутил: вот этот – Рёрах. Только не старый, а молодой.

Рядом с ним ещё один из родовитых. Тоже молодой совсем и на Рёрах очень похожий. Брат?

– Рёрах! – воскликнул он отчаянно. – Помогите!

– Ты меня знаешь, смерд? – удивился княжич.

– Знаю! И град твой Белославль зовётся!

– Вот как... – протянул Рёрах, одарив нурманского хёвдинга недружелюбным взглядом. –

И откуда ты это знаешь, малой?

– С отцом мы сюда приплывали! – сымпровизировал Сергей. – Удатой зовут.

Рёрах и его брат переглянулись.

– Турбрид, ты помнишь Удату?

Тот отрицательно качнул русой головой.

– Врёт он всё! – воскликнул Хродмар. – Врёт щенок!

– То есть полона у тебя на корабле нет? – напрямик спросил княжич.

– Есть, – не стал отрицать Хродмар. – В Смоленске трэлей купил.

– Купил? – с таким знакомым Сергею выражением лица поинтересовался Рёрах. – Уверен?

– Само собой! Ты что, рабу веришь, а в моих словах сомневаешься? – возмутился Хродмар. С вызовом так сказал. Даже с лёгкой угрозой.

Вот это он зря. Сергей-то знал: когда Рёрах так кривит губы, лучше не спорить, а молча отойти на десяток шагов. Целее будешь. Сергей знал, но Хродмару эта усмешка была неведома.

– А он говорит, что свободный, – очень медленно и чётко произнёс молодой Рёрах, кивнув на Сергея. – И я ему верю, нурман. Потому что откуда смоленскому рабу знать моё имя?

– А мне откуда знать, откуда он знает? – не отступил Хродмар. – Может, он раньше у купца какого-нибудь в услужении был, что сюда ходил? Или от других услышал?

Сергей видел: нурман не только говорит, но и оценивает обстановку, шарит глазами по причалу, прикидывает шансы на успех в случае драки.

Варягов с княжичем чуть ли не вдвое меньше, чем нурманов. Однако с другой стороны причала пришвартована большая лодья самое малое на двадцать скамей-румов. И там тоже варяги. Вероятно, готовили корабль к походу. И когда разговор пошёл на повышенных, они сразу насторожились.

– Вижу, не дашь ты мне крова, княжич белозёрский! – прикинув шансы, заявил нурман. – Ничего. Мы в другом месте ночлег поищем. А трэля этого мелкого можешь себе забрать. Всё равно толку с него не будет. – И бросил уже своим: – Отдать концы. Мы уходим.

– Не сейчас! – рявкнул Рёрах, и несколько варягов тут же оказались у деревянных кнехтов, не позволив спрыгнувшим нурманам отвязать швартовы. – Наш разговор не окончен!

– Ты не можешь указывать мне, что делать! – возмутился нурман. – Ты не мой конунг!

– Мой отец, князь Стемид – хозяин этого озера, – заявил Рёрах. – И многих других озёр, рек и водных путей! Никто не смеет разбойничать на наших землях!

– Да будет мне свидетелем сам Тор, я не брал людей на ваших землях! – тут же парировал нурман.

– А на землях наших союзников?

Это спросил уже Турбрид. А ещё Сергей увидел, что к причалу спешат не меньше трёх десятков бойцов. И те, что на соседней лодье, пусть и без бронеи, но уже снимали щиты с бортов.

– Поклянись благорасположением Ньёрда и Тора, что ты купил всех челядников, что есть на твоём корабле, Хродмар! Скажи: «Пусть не пировать мне в Валхалле, а угодить в сети Ран, если это не так!»

«Ай молодец! – подумал Сергей. – Варит голова у парня».

Хродмар крепко задумался. Клятва была, мягко говоря, неприятная. К богам нурманы относились серьёзно. Пойти на риск лишиться расположения бога морей, ветров и плодородия, не говоря уже о Торе, которого эти люди почитали едва не больше верховного бога Одина?

Этак можно и до дому не доплыть.

– Я не стану беспокоить богов из-за кучки жалких трэлей! – нашёлся нурман. – Это их оскорбит!

– Твой выбор, – согласился Рёрах. – Я не ищу с тобой ссоры, Хродмар. И не стану допытываться, где ты взял свой полон...

Нурман сразу воспрянул духом. Даже плечи как-то пошире стали.

– ...Если ты оставишь челядников здесь, – спокойно продолжил молодой Рёрах. – Что решишь, Хродмар из Рогаланда?

Сергей восхитился. Духарев, будь он вождём, сам не сыграл бы эту партию лучше. Хотя, будь он вождём, сразу бы скомандовал «к бою».

Впрочем, нынче он не вождь, а что-то мелкое и непонятное, так что стоит поумерить агрессию.

Хродмар думал минуты две. Потом подозвал кормчего и ещё с минуту с ним шептался.

И наконец кивнул:

– Будь по-твоему. Пусть это будет залогом нашей будущей дружбы.

Нурманы, они жадные. Но не дураки. Даже если им удалось бы победить, что маловероятно, от хирда⁴ рогаландца осталось бы слишком мало, чтобы вращать вёсла драккара.

Нурманы бросили на причал доску, и по ней гуськом поползли пленные. Потом их собрали в кучку, и пара варягов погнала их к городу. Сергей к пленным не присоединился. Никто не возражал.

– Всё ещё хочешь быть нашим гостем, Хродмар из Рогаланда? – невозмутимо поинтересовался Рёрах.

Нурман помотал головой.

– Но немного припасов я бы купил, – сообщил он.

– Можешь взять троих и сойти на берег, – разрешил княжич. – Я пришлю торговцев. С ними договаривайся.

Рёрах повернулся и двинулся к берегу. Проходя мимо Сергея, жестом поманил за собой.

Сергей засеменил следом. Светило солнце, пахло морем, рыбой и весной. Новая жизнь понемногу налаживалась.

⁴ Хирд – боевая дружина викингов.

Глава 2, в которой Сергею Духареву предлагается новая жизнь, и жизнь эта обещает быть суровой

– Руки покажи.

Сергей стоял перед двумя братьями Стемидычами. Глядел на них снизу вверх. Это было непривычно. Но не так непривычно, как слабое неуклюжее тельце, которое ему досталось. Хотя с чем сравнивать. Если с тем, что было у Сергея в сороковник, то да. Печаль. А если с тем, которое носил Сергей Иванович Духарев, он же – князь-воевода Серегей на девятом десятке...

– Руки, говорю, покажи!

Сергей послушно протянул руки младшему княжичу.

Тот глянул, оценил и сделал вывод:

– Меча в руках никогда не держал. Так чей ты сын, говоришь?

– Я держал меч! – возразил Сергей. До чего ж голос у него несолидный нынче!

– На! – Турбрид тут же вытащил свой из ножен и протянул рукоятью вперёд.

Сергей ухватил... И сразу понял, что его руке оружие не знакомо. Попытался взять правильным хватом. Получилось, но с трудом. Чёрт! Как неудобно держать! Баланс не поймать. И меч кажется невероятно тяжёлым. Попытался взмахнуть... И едва не выронил.

Турбрид скривился:

– По мне, так всё ясно, брат, – сказал он Рёреху.

– А мне вот нет, – не согласился тот, пристально глядя на Сергея.

Вот кто – настоящий воин. В отличие от тела, ум и память Сергея были в относительном порядке и оценить уровень воина он умел. По пластике, по манере двигаться, даже по положению головы. Уровень же у Рёреха был очень серьёзный. Равно как наблюдательность, интуиция и умение делать выводы на основании неочевидных деталей. Чем-то княжич напомнил Сергею старшего сына, Артёма. Хотя что удивительного? Кто сына натаскивал? Рёрех. Только старый.

А этот – молодой. Но уже – видит.

Взбодрённый, Сергей попытался сделать ещё несколько движений, простеньких, для новичка. На этот раз – медленно. И всё равно выходило так себе.

– Учили или подсмотрел у кого? – спросил Рёрех.

– Учили, – буркнул Сергей, понимая, что почти проиграл право стать воином. – Четыре года прошло. Руки не слушаются.

– А что перестал?

– Отец запретил, – соврал Сергей первое, что пришло на ум. И тут же придумалось обоснование: – Сказал: будешь грамоте учиться. И языкам. А железом махать найдётся кому.

– И ты согласился? – с лёгким презрением спросил Турбрид.

– Отец же, – изобразил удивление Сергей, возвращая меч. – Как с ним поспоришь?

– Слабак.

– Брат, ты не прав, – заметил Рёрех. – Отцу повиноваться надо. Где сейчас твой отец, малой?

– Ушёл с поездом⁵ и не вернулся, – Сергей изобразил печаль. – А меня родня рекой в Полоцк отправила – с нурманами толмачить. А по пути – эти. – Сергей махнул рукой в сторону нурманского драккара.

– Так ты, значит, по-нурмански знаешь? – на нурманском же спросил Рёрех.

⁵ Напомню, что поездом в те времена назывался не железнодорожный состав, а торговый караван.

– Знаю. Толмачить могу, если надо, – тоже по-нурмански ответил Сергей, чувствуя, что и язык, и губы повинуются с некоторым усилием. Им чужой язык был непривычен. – Ещё язык ромеев⁶ знаю и по-печенежски могу.

– Видишь, брат, а ты его к пахарям определить хотел. – Рёрах повернулся к брату. – Непростой это мальчишка, я сразу увидел.

Турбрид пожал плечами:

– Пусть так, – согласился он. – Но с оружием он управляется не лучше пахаря.

– Я научусь! – пылко пообещал Сергей. – Дайте срок! Я научусь! Я всё вспомню!

Его вдруг захлестнули эмоции. Не его – мальчишки, тело которого ему досталось. А ведь ещё гормональный взрыв впереди. Надо как-то научиться держать тело под контролем.

– Срок мы тебе дадим, – обещал Рёрах. – Пока будешь жить с детскими. И учиться с ними же. А там поглядим. Зовут-то тебя как?

– Варт! – Имя Сергей придумал заранее. Такое, чтоб и сила была, и привязки к родовой знати не было.

– Добро! Бур, поди сюда! – позвал он отрока лет пятнадцати, крупного, длиннорукого, светловолосого. – Гляди, это Варт...

– Чё-от он невелик для имени! – перебил отрок, но, встретив строгий взгляд княжича, заткнулся.

– Покажешь ему, где что, одёжку для него нормальную у ключника получишь, хорошую. Скажешь, я велел. Ещё нож, ложку, кружку – всё, что требуется. Но сначала покормить своди. Ты ж голодный, Варт?

Сергей активно закивал.

– Теперь ты, Бур, над ним старший, – продолжил Рёрах. – Малый он неглупый, языки знает, по-нурмански болтает уж получше тебя, а вот в воинской науке – невежда. Ты ему поможешь. Через месяц с тебя за него спрошу. Уразумел?

Бур кивнул.

– Ну так забирай его и делай. – Рёрах хлопнул отрока по спине, а тот в свою очередь ухватил Сергея за руку и чуть ли не силой поволок в сторону терема.

– Здесь едят, – сообщил Бур, входя в длинное помещение с четырьмя столами, за которыми могли разместиться не меньше сотни человек. – Садись, сейчас притащу тебе что-нибудь съестное.

Сергей сел. Сейчас он чувствовал себя намного лучше, чем на палубе нурманского драккара. Во-первых, у него появились перспектива и конкретная цель. Во-вторых, новая одежда: исподнее, качественные льняные штаны и рубаха, выкрашенные жёлтым и с простой вышивкой в положенных местах, что демонстрировало всем: их носитель – свободный человек.

Но это всё пока лежало на скамье рядом. Надевать чистое, не помывшись, Сергей не собирался. Нацепил только пояс с коротким ножом в чехле. Этого достаточно, чтоб продемонстрировать новый статус. Обувь тоже была, и она очень кстати. Пацан, которым стал Сергей, нередко ходил босиком, судя по мозолям на ступнях, но самому Духареву это было непривычно.

– Вот! – Бур водрузил на стол миску, доверху наполненную кашей вперемешку с мясом, приправленную травами и политую горячим жиром. – Тоже с тобой перекушу. – Он достал ложку.

Сергей извлёк свою. Каша пахла восхитительно.

⁶ Ромеями в те времена величали себя византийцы. Поскольку – официальные наследники Великого Рима, пусть и говорившие главным образом не по-латыни, а на диалекте греческого.

А на вкус оказалась ещё лучше. И соли хватало. Сергей с трудом удержался, чтобы не начать молотить её с максимальной скоростью.

Но сдержался. Возможно, потому, что каши было действительно много и риск того, что его наставник сожрёт её в одно жало, отсутствовал. В принципе. В дружине не жрут, а едят. Если из общего котла, то в строгой очередности: сначала черпает один, потом другой и так далее. По-честному. Дружина как род, а родовые трапезы все такие.

Буру сдержанность Сергея понравилась:

– Изголодался, Варт?

– Нурманы... – ответил Сергей, пережёвывая мясо. Зубы у него, кстати, оказались отличные. Немалый бонус, учитывая квалификацию местных «стоматологов». – Рыба да вода.

– Жадные они, твари, – согласился Бур. – Слышь, Варт, а ты по-нурмански и впрямь хорошо разумеешь?

– И понимаю, и говорю, – ответил Сергей на языке условного противника.

– Хорошо, – тоже по-нурмански ответил Бур. И сразу перешёл на словенский: – Поучишь меня немного, а то княжич сказал, в поход меня не возьмёт, если я не научусь по-ихнему свободно болтать.

– Поучу, почему ж нет, – охотно согласился Сергей. – А у меня к тебе тоже просьба будет: палка мне нужна вот такая примерно. – Он обозначил руками. – И меч учебный по моему росту.

– Меч тебе и так дадут, ты ж теперь детский, – ответил Бур. – А палку найду. Если что ещё надо, ты скажи. Мне ж тебя поручили, и срок на обучение, я тебе скажу, невеликий отпустили. Так что учти: гонять тебя буду до полной усрачки.

– Я только за. – Сергей почувствовал, что уже наелся до отвала. А в миске ещё треть осталась.

– Помыться б тебе не мешало, – заметил Бур, когда они вышли из трапезной. – И гриву подстричь. Ну, с этим я сам управлюсь. Вшей у тебя нет?

– Вроде нет.

Голова не чешется.

– Тогда я сейчас ножницы возьму – и двинем на озеро.

Парикмахер из Бура оказался так себе, но дело он своё сделал. На голове у Сергея остался коротенький ёжик. С непривычки было холодно.

Впрочем, этот холод – ерунда по сравнению с тем, который вцепился в Сергея, когда он нырнул в озеро. Чуть не заорал. Новое тело оказалось к такому купанию не готово.

Ничего, привыкнет. Сергей вынырнул и обнаружил, что плавает он тоже не очень.

Но это поправимо. Плавать – не фехтовать. Это просто. Выбравшись на берег, он побегал немного, обсыхая на солнышке, и только потом надел обновки.

Бур глядел на него с уважением:

– Я думал, ты хиляк, – произнёс он одобрительно. – Да ты только с виду такой, а духом крепок. Давай за мной! – Со всех ног он помчался к городу.

Сергей угнаться за ним не смог, но отметил, что в целом его организм бегать умеет неплохо, пусть тоже неправильно. Выносливость ненулевая – уже кое-что.

Бур поджидал на площадке, на которой, надо полагать, тренировался варяжский молодец. Во всяком случае, полоса препятствий здесь была с поправкой на малый рост.

– Гляди!

Наставник шустренько взобрался по шести лестницы на столб, побежал по бревну, соскользнул по канату, перемахнул через барьер, не коснувшись его руками, вскарабкался по другому столбу, уже без перекладин, перепрыгнул с него на другой канат, раскачался и махнул

на стенку, сделал выход силой на обе руки, спрыгнул вниз... И так далее. Видно было, что каждое препятствие он прошёл не один десяток раз, и даже не одну сотню.

– Давай, Варт, покажи себя, – подбодрил Бур.

В принципе, ничего сложного. Если у тебя с силой и ловкостью всё в порядке. Но не для теперешнего Сергея.

Риск покалечиться довольно велик. Понимает ли это юный наставник? Не похоже. А похоже, что ему просто нравится демонстрировать превосходство.

Однако отступать нельзя.

Сергей вскарабкался на первый столб и вступил на бревно. Тут ничего сложного. Удерживать равновесие просто. Сила не нужна. Страх высоты? Да ладно! Когда Серёга Духарев боялся высоты? Да и упасть не проблема. Если что – приземлится на ноги. Ну или попробует приземлиться.

По бревну Сергей не прошёл, пробежал. Так даже проще. Ухватился за канат, съехал, тормозя ногами, чтобы не обжечь неподготовленные ладони. Барьер взял с первого раза. Пришлось, правда, руками помочь.

Столб. Вот это стало проблемой. Раз пять Сергей съезжал вниз, не сумев удержаться, а когда всё-таки взобрался, руки так дрожали, что не до прыжков.

– Слезай, – сжалился наставник. – Руки у тебя – как у девчонки. Давай-ка теперь поприседем.

Тренировка длилась часа полтора, и к концу Сергей был уже никакой. Держался исключительно на силе воли. Конечности дрожали, голова кружилась...

Но терпел. Делал, что сказано, буквально из последних сил.

Наконец Бур сжалился.

– Хватит с тебя, – сказал он. – А то учить меня нурманскому сил не останется. Давай теперь к озеру. Бегом.

На следующий день Сергей не смог встать с лавки, когда прогудел рог. Просто свалился. Конечности словно зачленели.

Другие детские, варяжские дети возрастом от девяти до двенадцати, поглядели на него с сочувствием, но помогать никто не стал. Споро натянули штаны и выбежали во двор.

А Сергей даже не смог размять закаменевшие мышцы. Пальцы тоже не слушались. Кое-как, скрипя зубами от боли и тоненько подвывая, он сумел натянуть штаны и даже завязать гашник. И заковылять к выходу.

Ещё одна грустная новость. Его нынешнее тельце в сравнении с предыдущим плохо переносило боль. С этим тоже придётся работать. Потом. Сейчас Сергей кое-как спустился с крыльца, где детские старательно делали упражнения под присмотром пары отроков, хромя на обе ноги, пристроился позади всех и тоже попытался махать руками и ногами. Выходило отвратительно. Раза три даже равновесия не удержал.

На него обратили внимание.

Один из отроков подошёл к нему:

– Тебя что, побили, новичок?

Сергей покачал головой:

– Это с непривычки. После вчерашнего, – выдавил он.

Отрок цапнул его за руку, нажал...

Сергей, хоть и ждал чего-то подобного, но не думал, что будет так больно. Даже стон не удержал.

– Бур-то уж такой злой, – ухмыльнулся отрок. – Терпи, воин.

И взялся разминать Сергеевы мышцы. Боль была лютая. Но Сергей терпел. Только шипел сквозь зубы.

– Железо мучат, чтоб крепче было, – приговаривал отрок, меся одеревеневшие мышцы. – Бур злой, а я ещё злее. Потому что злые добычу делят, а добрых – во`роны.

Зато когда длившаяся вечность пытка закончилась, отрок вполне дружески хлопнул Сергея по спине:

– Звать меня Вещелюб. А теперь бего-ом за остальными!

Глава 3, в которой Сергей находит друга

Через две недели новое тело Духарева понемногу обвыкло. С утра по-прежнему болели все мышцы, но привести их в рабочее состояние удавалось намного быстрее. И кормёжка, надо отметить, была отличная. На питании будущих дружинников не экономили.

Оба отрока, курирующих три десятка детских, к переростку и чужаку Варту относились неплохо. Отметим его стойкость и старание. Однако ни с кем из соседей по спальне Духарев не сдружился. Не получалось. На общение требуется время, а времени у Сергея не было. Когда остальные детские учились счёту и прочим незамысловатым наукам, которыми Сергей владел не в пример лучше наставников, он тратил время на упражнения с палкой и учебным мечом.

Бур, единожды взглянув на тренировку подопечного, сделал правильный вывод:

– Да ты, оказывается, не такой уж новичок.

И свалил по собственным делам.

Духарева это устраивало. На этом этапе партнёр ему был не нужен. Спарринговать ему пока рано. Сначала надо научиться твёрдо держать в руках оружие.

А ещё Сергей начал отрабатывать навыки рукопашника. Когда его никто не видел. Чтобы не вызвать лишних вопросов.

Дело продвигалось медленно, но всё-таки продвигалось. Учебный меч больше не выворачивался из рук, полутораметровая палка летала почти свободно. Ещё немного – и снова станет чувствоваться как продолжение руки.

Неожиданно легко давались растяжка и прочие упражнения на гибкость. Новое тело оказалось не таким уж плохим. Просто прежний хозяин не грузил его, как надо.

Попутно Сергей пытался вспомнить более эфемерные вещи: почувствовать силу земли, например. Но с этим пока – полный швах. Хотелось верить, что только пока.

Ещё Сергей упражнял память. По языкам. С нурманским было нормально. Им его Бур загружал. А ромейский, печенежский, хузарский, франкский и прочие – приходилось самому. В прежней жизни Духарев со временем стал натуральным полиглотом. И по-германски мог, и по-английски. Последний, впрочем, достался ему ещё из той, самой первой жизни и был не особо нужен, поскольку с бриттами ему торговать не случалось. Латынь, само собой, и немного итальянский... И ещё с десятков, на которых Духарев мог изъясняться на уровне «Сколько это стоит?» и «Почему так дорого?». Были, впрочем, языки, которые ему так и не дали. Язык угров, к примеру. Или чудинов.

В общем, словарный запас накопился изрядный, и Сергей опасался, что юный мозг сочтёт его ненужным и вычистит из памяти. Потому – вспоминал. На лавке перед сном. Разговаривая сам с собой во время упражнений. Короче, при любой возможности.

Сознание – это единственное, что досталось ему от моровского князя-воеводы, Сергея. И потренировать память лишний раз Духарев считал не менее полезным, чем загрузить молодой растущий организм продуманной физухой.

И ещё одно интересное явление: воспоминания первой, из двадцатого века, молодости, которые почти потерялись к финалу жизни прошлой, вдруг стали ярче, отчётливее. И сквозь личность могучего князь-воеводы нет-нет, да и выглядывал весёлый и беззаботный Серёга Духарев.

Сергею казалось: всё происходит чрезвычайно медленно, и ему ещё месяца два физику и базовые навыки нарабатывать. Однако уже в начале третьей недели Вещелюб, поглядев на Сергеевы потуги, кивнул одобрительно и поставил его в пару. Правда, с пареньком лет десяти

и на полголовы ниже Сергея. Выдал испытуемому щит, деревянную доску с ручкой, палку, обозначающую меч, и велел показать, на что способен.

И Сергей тут же «выдал». Поднял щит, перекрыв противнику обзор, благо тот был невысок, и провёл секущий снизу, попав мальцу по икре. Ударил не сильно, чтобы не поранить. Но получилось на удивление чётко.

Малец удивился и попытался достать Сергея встречным выпадом в правую руку. Не сумел. А Сергей осознал очень приятную вещь: да, тело его – не чета прежнему даже в нелучшие его годы, но чувствовать бой и предугадывать удары, особенно удары и атаки такого крохи, ему не составляло труда. Да и разница в ловкости и скорости у него и десятилетнего мальчишки была не такая уж большая. Пусть тот и не был увальнем – как-никак его уже лет пять гоняли в хвост и в гриву, – но до приличного уровня мальчишке было далеко.

В общем, тот не сумел достать Сергея ни разу. А вот Сергей его – раз тридцать.

– Удивил, Варт, – заметил Вещелюб, прекращая спарринг. – Вот удивил. Да ты прирождённый боец. Давай-ка вот с ним попробуем...

В итоге Сергей продул только двоим детским, Ратше и Честняку. И только потому, что они были намного быстрее. Когда противник настолько шустрее тебя, даже выстоять трудно. Тем более что настоящее боевое предвидение, когда чувствуешь битву и всё вокруг, у Сергея так и не проснулось. Ещё не проснулось, стоит надеяться.

А через седмицу младшая группа в полном составе отправилась заниматься верховой ездой. Предупредили всех заранее, так что Сергей после завтрака сбежал на кухню и разжился морковкой. Пригодится.

Лошадки, надо отметить, в варяжской конюшне были не особо. А может, Духарев – балованный. Не всем же на «арабах» кататься.

– Выбирайте, – скомандовал Лепко, второй отрок-воспитатель.

И тут уж Сергей медлить не стал. Он с первого взгляда чётко выделил мышастого жеребчика. Будто притянуло к нему. Может, потому, что мастью он был похож на первого Сергеева коня, самого первого из череды Пеплов.

Выбрал – и сразу к нему. Угостил морковкой, погладил правильно, пошептал, словом, выполнил весь положенный ритуал. До природных хузар Сергею и в прежней жизни было далеко, но кое-чему он всё же научился. Жеребчик к подношению и общению отнёсся благосклонно. Обнюхал незнакомого мальчика, фыркнул. В общем, изъявил готовность к сотрудничеству.

Судя по потёртостям, под седлом он уже ходил, так что объезжать не потребуется. И хорошо, потому что объездчик из Сергея нынче, как из... В общем, никакой.

– Его зовут Серый, – сообщил подошедший Вещелюб. – А ты умеешь с лошадьми?

– Есть такое, – признал Сергей. – А он теперь мой будет?

– Если пожелаешь. Вижу, у вас с ним слаживается.

– Тогда буду его Пепел звать. Масть подходящая.

– Дело твоё. Оседлать сумеешь?

– Да как-нибудь, – ответил Сергей.

– Как-нибудь – не надо. Надо, как надо, – усмехнулся Вещелюб.

– Проверишь, – улыбнулся в ответ Духарев.

И отрок направился в другим подопечным.

Не у всех шло гладко. Прихватить угощение догадались немногие. И это, полагал Сергей, был не их просчёт, а наставников. Следовало предупредить или самим принести. Вдобавок несколько детских так и не смогли сделать выбор. А ещё один был укушен. Конь, понятно, не волк, но хватанет – мало не покажется.

Упряжь висела здесь же, в деннике, и Сергей управился быстрее, чем ожидал. Оказывался, его нынешний организм в прошлом успел пообщаться с лошадами. Тем лучше. Сергей помнил свои первые уроки верховой езды под руководством другого, старого Рёреха. У них было такое «послевкусие», что просто жуть.

Закончив, Сергей не без труда взобрался в седло. И это ещё хорошо, что конёк невысок. М-да. Не скоро ещё он сможет взлетать в седло махом, да ещё в полном вооружении.

Стремена оказались длинноваты. То есть для нынешнего Сергеева тела они были привычны, но Духарев решил сразу научиться правильной посадке. Помнил, как намаялся, переучиваясь с варяжской на степную.

Подтянув стремя, снова забрался в седло. С ещё большим трудом. Надо будет попрактиковаться.

Наклонился к уху жеребчика, сказал:

– Ты теперь Пепел. Пепел, запомни.

И выехал из денника. Опять первым.

– Вещелюб, а наружу можно?

– Погоди!

Отрок придирчиво осмотрел коня и всадника:

– Стремена отпусти пониже.

– Мне так привычнее, – возразил Сергей. – Это степная посадка.

– Как знаешь, – не стал настаивать Вещелюб. – Давай!

И смачно хлопнул жеребчика по крупу.

Тот с ходу рванул в галоп. Будь Сергей новичком, туго бы ему пришлось. Но ни он, ни его новый организм новичками не были. Галопом так галопом.

Эх! Давненько Сергей не скакал вот так вот, наслаждаясь скоростью, миром и силой могучего четвероногого друга. Давненько – это в прошлой жизни. В этой – вообще ни разу.

По дороге до лесной опушки и обратно. И ещё раз. Пепел тоже радовался. Застоялся, красавчик. Больше он не казался Сергею так себе коником. Сергей сейчас тоже не богатырь, да и друзей не по статьям выбирают.

А ещё Сергей понял: ему придётся переучиваться. Доставшийся ему организм верховой езде был обучен. Но неправильно. Воин держится в седле не так, как прочие. Тем более воин-степняк.

А вот у наставников к Сергею претензий не было. На него вообще не обращали внимания. Им было с кем повозиться.

Разобравшись, цепочка верховых детских двинулась по направлению к городу. Рысью. Сергей видел, что многие – не новички в седле. Но не более. Варяги, как и нурманы, бьются пеше. Лошадь – средство передвижения из пункта А в пункт Б. Мальцы ещё не знают, что им придётся переучиваться под Великую Степь.

– Корабли! – привстав на стремях, крикнул вдруг Лепко.

И пустил коня галопом. Детские – за ним. Вещелюб – последним. Мало ли что. Пепел по собственной инициативе обошёл остальных и поравнялся с конём Лепко.

– Место, Варт! – прикрикнул тот, и Сергей чуть придержал жеребца.

Тот недовольно фыркнул, но подчинился. Пошёл вторым.

Когда они вынеслись на пристань, она уже была полна народу. Причём не только воинского, но и прочего: толпились простолюдины, было много женщин и детей.

Сергей заранее придержал коня. Но его примеру последовали не все. Один шкет, совсем мелкий, лет семи с виду, едва не врезался в толпу. И врезался бы, если бы не длинноусый воин, ухвативший коня под уздцы и уберегший от беды молодую женщину с ребёнком на руках:

– Ах ты!.. – заорал он, но, увидав, кто всадник, смирил гнев и сказал строго:

– Ты ж их чуть не убил, мало-й. Осторожнее надо быть. Кто старший у вас?

Перепуганный мальчишка дрожащей лапкой указал на Лепко... И вот ему варяг выдал по полной. Срамил в полный голос и под конец объявил:

– Тебя б за недогляд – на перекрёсток, да мараться не хочется!

Лепко алел маковым цветом, но оправдываться не пытался. Его промашка.

– Это кто? – спросил Сергей у Вещелюба.

– Ведмунд, сотник княжий, – ответил тот. – Строгий. Ни чужим, ни своим оплошки не спустит. Хорошо, что он рядом оказался. Иначе быть беде.

– А лоды чьи? – Новые глаза Сергея видели замечательно. До четырех кораблей, идущих к берегу, ещё метров триста, но он видел в подробностях рисунки на щитах и даже лица воев. И то, что корабли шли с приличной осадкой. Значит, не пустые.

– Наши это. Князь из похода возвращается.

– С добычей, похоже, – вырвалось у Сергея.

– С чего взял? – Вещелюб глянул на него настороженно. Что-то умен мальчишка не по возрасту.

– Так сидят глубоко, – беззаботным тоном ответил Сергей. – Видно же.

– Острый у тебя глаз, – похвалил отрок.

– А то! Довелось по воде ходить. С отцом.

– Везёт тебе, Варт, – вздохнул Вещелюб. – А я вот в дальний поход – ни разу.

Сергей ощутил... гордость. И удивился. С чего бы ему, князю, воеводе, ходившему и по Каспию, и по Балтике, и к самому Константинополю, да не единожды, гордиться перед этим молоденьким варягом?

А потом сообразил: это не его гордость. Это – от мальчишки, которым он теперь является.

Вот же! Этак и в детство впасть можно. Хотя... Если вдуматься – что в этом плохого?

Снова пережить детство и юность. Первую схватку, первую любовь...

Сразу кольнуло: Сладислава. Не будет больше такой в его жизни.

Сердце сжалось...

Но ненадолго.

Эмоции и гормоны мальчишки победили: грусть ушла. Осталось лишь любопытство.

Какой он, варяжский князь Стемид?

Сергей потрепал Пепла по шее, тот повернул голову, глянул умным глазом, и Сергей понял, что нашёл друга. Такого, что не бросит и не предаст.

Глава 4, в которой Сергею предлагается умереть из-за куска грудинки

Потом был праздник. Князь возвратился с добычей. Или с наваром. Сергей не мог утверждать точно. Детских в курс дела никто не вводил. Просто сообщили: у гриди праздник. И у самых младших тоже.

И у всего свободного народа града приозёрного. Ясти – сколько влезет, мёды, пива – рекой. Князь угощает! По обычаю!

Столы для дружины поставили во дворе Детинца. Простому люду накрыли снаружи.

Дружинными сочли и детских. Правда, столы их были в самом низу, почти у ворот.

Детских оказалось не так уж мало. Дюжины три. Иные – не такие уж дети. По возрасту пора отроками стать. Но не отроки. Серебряных поясов ни на ком нет. Хотя одёжка на многих не из дешёвых. Надо полагать, родня постаралась.

Пока рассаживались, Сергей успел как следует рассмотреть князя, которого мог теперь по праву считать своим.

Князь Стемид был типичным варяжским вождём. Высокий, резкий, широкий в плечах, узкий в талии. С бритой головы налево – чуб. Усы высинены – к празднику и по обычаю. Лёгкая кольчуга перехвачена золотым поясом. На руках – золотые же браслеты, на шее – жёлтая витая гривна. А вот рукоять меча – без лишних украшений. Простое наборное оголовье из чередующихся бронзовых и серебряных полос. Шаг лёгкий, голос звучный. За таким вождём идти – радость.

Рядом – трое сыновей.

Старший, Трувор, тоже в поход ходил. Точная копия отца. Только помоложе. И с длинным, уже подзажившим шрамом через щеку от виска до рта.

Слева от отца – Рёрах. Этот, теперь видно, на отца не похож. И лицом и ростом: черты поглубже, высотой на пядь пониже.

Справа от брата – Турбрид. Этот обликом ближе к Стемиду, а сложением – к Рёраху. Хотя какие его годы?! Вполне может ещё подрасти.

Княгини нет. Умерла, наверное. Её место, по обычаю, там, где сейчас стоит Трувор.

Сидя за одним из нижних столов, Сергей хорошо видел князя и княжичей, потому что они сидели на помосте. И мог прикинуть, что старшая дружина у Стемиды – сотни три. А младшая, отроки, ещё и побольше. Неслабое войско. В то время, когда был князем сам Духарев, войско беловодского князя было, ну или будет, раза в два меньше.

Над Сергеем склонился челядник. Налил мёду в чашу. Сергей попробовал. Совсем слабенький, разбавленный. Но, учитывая нынешний возраст и размеры, злоупотреблять не стоит.

Наверху провозгласили здравицу князю. Дружинники вскочили и одобрили дружным рёвом. Детские – тоже, но с опозданием и пожиже.

Сергей высмотрел блюдо с запечённой в меду свиной грудинкой и ухватил последний кусок, опередив другого парнишку, тоже из детских, но не из их группы и постарше – лет тринадцати.

Тот ощерился на Сергея по-волчьи. Зашипел злобно.

В драку, впрочем, не полез, удержался. Однако запомнил, факт.

«Да пошёл он лесом, – подумал Сергей. – Не фиг из-за дураков праздник портить».

А праздник тем временем набирал обороты. Дружина гудела, стучали, встречаясь, чаши. Челядь носилась туда-сюда, утаскивая блюда с объедками и волоча новые. В основном на верхние столы, но и нижним перепало. И мясо, и дичь, и рыба. Молочное всякое, мисы с тушё-

ными овощами, лепёшки медовые, каша. Напитки ягодные, медовуха. Хочешь – сам наливай, хочешь – жди, когда теремный холоп твою ёмкость наполнит. При всяких ритуальных мероприятиях старшим прислуживали именно детские. Но нынче – общий праздник.

Кушали много и жадно. Словно неделю постились. Сергей от других не отставал. Организм, чай, молодой, растущий. Да и мышечную массу надо наращивать.

Подвыпившие детские говорили много и громко. Перекрикивали друг друга. Как повздорившие чайки.

Сергей в разговоры не вступал. И медом хмельным не наливался. Добавлял аккуратно и понемногу, пытаясь определить свою нынешнюю меру. Времена, когда он мог вливать в себя слабенький средневековый алкоголь без ограничений, кончились.

За одним из верхних столов затянули песню. Из-за другого выскочили сразу шестеро отроков и устроили шутейную битву на мечях. Бились, надо отметить, очень аккуратно, несмотря на выпитое. Все – в рубахах, а оружие боевое.

Потом затеяли метание топориков в столб.

Тут участие приняли и несколько гридней, и, к удивлению Сергея, Рёрах. Но лишь единожды. Развернулся к столбу спиной и с десяти метров метнул назад с обеих рук. Топорики вошли идеально и встали параллельно друг другу.

– Ты! – На плечо Сергея легла рука. – А ну встань!

Опаньки. Тот самый малый, у которого Сергей увёл грудинку.

– С чего бы? – спросил Сергей, жалея, что голосок у него такой несолидно тонкий.

– Ты оскорбил меня, чужак! Я, Траин, сын Геллира, вызываю тебя на поединок!

– Меня зовут Варт, – сообщил Сергей. – И на поединок из-за куска грудинки я с тобой не пойду. В другой раз не щёлкай клювом, Траин, сын Геллира.

– Чего? – не понял тот.

– Того. – Сергей повысил голос: – Я сказал: я не пёс. И драться с тобой из-за куска мяса не стану!

– Ещё как станешь! – Траин рванул его с такой силой, что если бы Сергей не вцепился в стол, то слетел бы с лавки и оказался на земле.

– А ну, что тут такое?!

Вещелюб. Видно, кто-то из детских позвал.

– Траин! Что тебе надо от моего парня?

– Он меня оскорбил! – заявил тот. Но плечо Сергея всё же выпустил.

– Как?

– Мясо моё забрал.

– Это так? – спросил отрок, повернувшись к Сергею, который, воспользовавшись случаем, встал со скамьи.

– Мясо было общее, – сказал Сергей. – Лежало на общем блюде. Я взял. Он обиделся. Но ничего не сказал. Тогда. Теперь злится. Не хочу поединка из-за куска грудинки. Стыдно.

– Кто видел, как было? Чья правда? – спросил Вещелюб, обращаясь сразу ко всем.

Человек десять пацанов сразу указало на Сергея и только двое – на Траина.

Вещелюб поглядел на последних очень внимательно. Потом спросил:

– Перуном покланяетесь?

Оба переглянулись... И отрицательно мотнули головами.

Траин зашипел сквозь зубы. Но – промолчал.

– Что тут?

Это уже персональный опекун Сергея, Бур. С ним – Лепко и ещё несколько отроков, подвыпивших, весёлых.

– Траин хочет вызвать Варта на перекресток, – пояснил Вещелюб. – Тот взял кусок мяса, который приглянулся Траину.

– Траин, ты это всерьёз? – воскликнул один из незнакомых Сергею отроков. – Из-за куска мяса убить своего?

– Он мне не свой! Он – чужак, безродный! – отрезал Траин. – Мой отец убил первого врага, когда ему было тринадцать! Мне тоже тринадцать, и я убью этого щенка!

– Даже и не думай! – вмешался Бур. – Княжич Рёрах поручил малого мне и с меня за него спросит, если что. Вдобавок он учит меня вашему языку, и учит хорошо. И где это видано, чтобы детские вызывали друг друга на Перунов суд?

– Я уже почти отрок! – заявил Траин. – Стану им на летнем празднике!

– Герой! – насмешливо сказал Бур. – Почти отрок решил убить мальчика, который меньше месяца в детских. Не стыдно?

– Он оскорбил меня! – закричал Траин.

Сергей заметил, что вокруг них уже собралась толпа. И не только детские, но и десятка полтора отроков.

– Ну так подеритесь врукопашную, без оружия! – предложил кто-то из толпы. – Вот прямо здесь и подеритесь!

– Другое дело, – одобрил Вещелюб. – Ты согласен, Траин? Или будешь настаивать? Тогда мы пойдем к князю. Пусть батька рассудит, как по Правде. Вот он порадует, что ему в праздник такой спор судить. И отцу твоему «спасибо» скажет за сына, который готов убивать своих за кусок грудинки. Что скажешь?

Сергей огляделся. Вокруг – множество лиц. И большинство глядят на него с симпатией и сочувствием. Похоже, не любят здесь Геллирова сына.

– Да! – зло выкрикнул Траин. – Я согласен!

– Вот и договорились. Освободите-ка место.

– Тебе придётся драться, – на ухо, чтобы перекрыть шум, сообщил Бур. – Его отец – ярл и родич княжий по покойной жене.

– Я буду, – сказал Сергей. – Только скажи, что можно, что нельзя.

Собственно, он помнил кое-какие правила таких вот рукопашных поединков. В прошлой жизни, едва попав в этот мир, он даже кое-какие деньги ухитрился так заработать. Потом, правда, всё потерял. Хорошо хоть самого живым отпустили.

– Глаза давить нельзя. Мудя крутить. Остальное можно. И ты вот что... Я объявлю условие: бьёшься, пока один не сможет больше драться. Против Траина тебе никак не устоять, так что ты, как повод будет, на землю падай и лежи. Уяснил?

Сергей кивнул.

– Ну давай тогда. – И повысил голос: – Бой без оружия! Траин против Варта. Условие победы: один из них не сможет продолжать бой!

Сергей и Траин сняли пояса с ножами и встали в круг.

И Сергей оказался один на один с противником, который – прав Бур! – был намного сильнее и крупнее его.

Какая противная у него ухмылка!

– Ну, чужак, давай! – Траин раскинул руки, будто желая обнять Сергея. – Я щедр. Твой удар – первый. А потом я вобью тебя в пыль!

Сергей шагнул вперёд. Траин продолжал стоять, разведя руки в стороны, задрав кверху подбородок, всячески демонстрируя превосходство и неуязвимость.

Сергей сжал кулаки. Он провёл немало времени, пытаясь научить своё новое тело навыкам рукопашки. Не особо преуспел. Так, самое простое восстановил. Ну, может, и хватит. Противник стоит просто идеально. Грех не воспользоваться. Жаль, вес у Варта маловат, да и резвость не особо. Но что ему терять?

Сергей встал почти вплотную к ухмыляющемуся Траину. И с подшага пробил ему в челюсть. Просто и незамысловато. Как в молодости – по макиваре.

И тут же отшагнул назад, набирая дистанцию.

Не потребовалось. Гордый сын княжьего родича и ярла повалился носом в пыль.

Зрители, похоже, офигели. Потом один из отроков метнулся к Сергею:

– Руку покажи! Что у тебя там, камень?

Сергей разжал кулак, показал: ничего.

Рука болела. Костяшки, определённо, были не готовы для таких упражнений.

– Закончено! – провозгласил Бур. – Победил Варт!

Траин очнулся минуты через две и первым делом спросил:

– Я где?

– На земле, – охотно пояснили ему.

– А почему я на земле? – Язык у почти отрока слегка заплетался. – Я напился?

– Нет, ты дрался, – ответил, помогая ему сесть, один из пацанов, отказавшийся клясться

Перуном.

– А с кем?

Вокруг захохотали.

Траин моментально озлобился:

– Чего ржёте, кони! С кем я дрался?

– Вот с ним, – кто-то показал на Сергея, баюкающего повреждённую руку. Болела не на шутку.

– Чего? – изумился Траин. – Вот с этим хлипким? А он вообще кто?

– Давай-ка я тебе всё расскажу, – сказал Бур, присаживаясь на корточки рядом.

И быстренько пересказал всю историю.

– Я хотел убить его из-за куска грудинки? – выпучил глаза Траин. – Точно?

Сказать отроку «ты врёшь» он не рискнул.

– Так и есть.

– А потом...

– А потом ты сказал: ударь меня, и он ударил. И ты упал. Это всё.

Траин потрогал челюсть, на которой уже вспух неслабый желвак, и сказал:

– А выпил я много? А то у меня в глазах двоится...

И выблевал то, что успел съесть, на штаны и рубаху.

– Вы, двое, взяли его и понесли мыться. Потом – на лавку спать, – распорядился Бур и кивнул Сергею: – Руку дай сюда.

Помял, покрутил... Сергей очень старался не завопить, и у него получилось.

– Кости целы, – резюмировал наконец отрок. – Я тебе мазь принесу. Три дня – и сможешь снова кого-нибудь по роже треснуть. – И, не удержавшись, добавил: – Ну ты дал, Варт. Завтра об этом весь Детинец судачить станет. Вот чтоб мне никогда золотого пояса не надеть, если не так.

Глава 5

Нурманский ярл Геллир Свирепый

Завтракать не хотелось. Но Сергей всё же поел. В отличие от многих других детских, которые на еду и глядеть не могли. Принимали только водичку. Детские организмы к алкоголю не приспособлены. Даже совсем слабенькому. Его собственный не был исключением. Просто Сергей пил аккуратней.

Стоило выйти на крылечко, как путь Сергею заступили трое. Два отрока и гридень. И не просто гридень, а из старших. Золота навешано килограмма на полтора. С виду же – чистый нурман. И такой здоровенный, что даже в своём прежнем обличье Сергей не смог бы смотреть не него сверху вниз. Хотя для мелкого Варта что метр восемьдесят, что два метра – разницы особой нет. Все великаны.

– Вот этот? – прогудел здоровенный, указывая на Сергея. – Точно?

– Он самый, – подтвердил один из отроков. – Своими глазами видел.

Гридень наклонился, навис над Сергеем, обдал похмельным выхлопом:

– Ты вчера моего сынка пыль нюхать заставил? – рывкнул он так, что Сергей с трудом удержался от того, чтобы не втянуть голову в плечи. Мальчишка, которым он сейчас был, испугался до колик.

Но Сергей помнил, как в той жизни бился вот с такими нурманами, как папаша Траина, и не один десяток отправил в Валхаллу.

Потому стоял прямо и в глаза громиле глядел твёрдо. Таким страх показывать нельзя. Сомнут. Да и вряд ли княжий родич Геллир унижится до того, что станет самолично наказывать детского. Вот поручить отрокам – это запросто. Хотя не факт, что те согласятся. Им тоже невелика честь обижать мальчишку, да ещё и дружинного.

– Руку сильно разбил? – неожиданно спросил нурман.

– Кости целы, – осторожно ответил Сергей.

Геллир выпрямился и вдруг захохотал.

Отсмеявшись, сказал:

– Мой-то ещё валяется. Глаза в разные стороны. Будто оглоблей приложили. Будет ему урок. А тебя, мало-й, я б на свой корабль взял, когда в силу войдешь. Да только не отдаст тебя Рёрах. Теперь точно не отдаст! – И снова захохотал.

А потом стянул с руки браслет, не золотой, серебряный, но все равно недешевый, надел Сергею на здоровую руку и сжал так, что браслет превратился в спираль. Зато стал впору.

– Бывай, мало-й. Сдаётся мне, встанешь ты на путь славных. Только не дай себя прибить по дороге!

Нурман снова захохотал, развернулся и пошёл к главному терему. Отроки – за ним.

– Ну ты силён, брат!

За спиной Сергея стояли почти все детские из его команды.

– Так с самим Геллиром говорил! – сказал один из них, тот, что постарше. Сергей уже знал, что его зовут Ратшей и он – законный сын дружинника-варяга. Потомственный то есть.

– Я б в штаны наложил, кабы он со мной так, – восхитился другой пацан.

– Понятное дело, это ж Геллир Свирепый.

– Он на тризне одного пополам развалил!

– А холопа своего кулаком убил!

– А когда на ливов ходили...

В общем, у грозного нурмана оказался изрядный послужной список. Может, поэтому после смерти жены Стемид и оставил его рядом с собой.

– Меня Ратшей зовут, – официально представился детский, с которым Сергей пока не мог управиться. – Будь мне другом, Варт! – И протянул руку.

Сергей сжал его предплечье по местному обычаю.

– И мне, Варт!

– И мне!

Стенка, которая прежде была между Сергеем и другими детскими, рухнула.

И это, к удивлению Духарева, было чертовски приятно.

Сергей ожидал, что визитом Геллира дело не ограничится. Надеялся, и Рёрах заглянет. Но – нет. День прошёл, как обычно. С той лишь разницей, что нагружали сегодня детских в четверть от обычного. Может, потому, что наставники сами были не в лучшей форме. А к полудню занятия объявили законченными, выдали каждому пацану по три медные монетки как поощрение от князя и предоставили самим себе.

Так впервые за эти три недели у Сергея оказалось свободное время.

Будь рука в порядке, он бы занялся самоподготовкой. Но по случаю «боевого ранения» решил дать себе послабление.

Опять-таки хотелось закрепить отношения с детскими. Чем дальше, тем больше он ощущал себя не мудрым князь-воеводой, а именно тем, кем выглядел. Пацаном, отчаянно пытающимся выбиться в люди. То есть в воины. А пацану без ватаги одиноко. Даже стрёмно. Да тут вообще одинокие только холопы. Хотя и те кому-нибудь принадлежат, а то и семьи имеют. А у свободных – у кого род, у кого – ватага. У воинской элиты – дружина. И все детские тоже к ней, дружине, относились. На птичьих правах, конечно. Но и их хватало, чтобы всякий, кто покусился, сразу оказывался в конфликте со всей воинской «семьёй», включая батьку-князя.

Но никто не покушался. На рынке, куда первым делом отправились пацаны, детских встретили радушно. Даже денежки на угощение тратить не приходилось – сами угощали. По мелочи: кто пряником, кто огурчиком, кто яблочком мочёным. И даже не в виде перспективных вложений в будущую дружбу с дружинником. Просто потому, что в городе воев беловодского князя весьма уважали. И не без причины. Врог сюда даже не совался, налоги брались невеликие, то есть никто смердов до нижней шкурки не обдирал, как случалось в иных княжествах, зато торговля процветала. Ну и земля была по северным меркам – богатая. Рыбка в Ладоге не переводилась, и рыбка отменная. Вот как эти здоровенные осетры, что лежали сейчас на прилавках целиком и частями. Дичи в лесах – сверх всякой меры. Именно что сверх меры, то есть кабанов брали прямо рядом с возделанными землями, на которые они приходили подкормиться. Пушнина зимой опять-таки. Трав – моря зеленые.

Плоховато было только с зерновыми, но их в изобилии привозили из более тёплых краев и продавали дёшево. Никакого смысла самим выращивать. Ну разве что ячмень на пиво.

С экономикой базового варяжского княжества Духарев по роду деятельности и родственным связям был в своё время знаком прекрасно. И пусть это время ещё не наступило, но вряд ли сейчас было хуже. Ах да, ещё был оброк, добровольный и не очень, его беловодские князья собирали с земель подданных и тех, которые себя таковыми не считали, да кто их спросит? Придёт в лесную деревеньку или какой-нибудь чудской хутор десятков варягов – и доказывай им тогда, что ты – неподатное сословие.

На рынке пацанам интересно. Товары разные, заморские в том числе. Массовики-затейники, пытающиеся привлечь народ ко всяким шутейкам, чтобы потом попросить «от щедрот», прыгуны-плясуны, скоморохи, игры и соревнования...

В общем, это только в Детинце праздник завершился вчера, а простонародью только дай повод погулять.

Многие из детских тоже участвовали в разных мероприятиях вроде: «залезь на столб и сорви шапку».

Никто не преуспел, только извозюкались. Столб был щедро смазан салом.

Пока пацаны развлекались, Сергей не без труда, поскольку берёт правую руку, взобрался на дозорную вышку. Отрок, несший на вышке караульную службу, не возражал. Детский же, свой. Раз любопытно, пусть поглазеет.

Сверху и город, и окрестности, и седая Ладога-озеро – как яблочко на ладошке.

Отметил: охватом город Белославль за столетия больше не стал. Пожалуй, сейчас он даже пообширнее. И стена, отделяющая Детинец от остального мира, выглядела посвежее.

А вот сам княжий терем не изменился. Остался один в один. И пристройки к нему, в которых обитали отроки и детские, и конюшни, и прочие подсобные помещения, вроде бы тоже. Хотя в этом Сергей не поклялся бы. Последний раз в своей прошлой жизни он посетил Белославль задолго до того времени, которое решил условно считать своей кончиной.

Вокруг крепости расползлся собственно город. Хаотичная застройка с разноуровневыми домами, подворьями и узкими кривыми улочками. Прямой и широкой была только одна. Та, что вела от Детинца к многочисленным пристаням. Боевых кораблей там было пять. И ещё один лежал на берегу, с наполовину просмолённым днищем. Но больших сараев было восемь. Надо полагать, часть Стемидова флота пока оставалась на приколе.

Также у причалов стояло семь купеческих судов, три из них, насколько мог судить Духарев, скандинавской постройки. А ещё множество рыбацких лодок, многие из которых к этому времени уже вернулись с уловом. Их хозяева сейчас разбирали и развешивали сети, а хозяйки занимались собственно уловом.

Вдоль берега, расплескивая холодную ладожскую воду, носилась стайка детишек, беспшанных ещё, в рубашонках.

Оставалось добавить огороды, поля и луга, уходящие к дальнему лесу, – и картинка мирного средневекового города готова.

Впрочем, Сергей знал, что мир этот держится исключительно на мечях княжьей гриди. Иначе сюда немедленно появились бы двуногие хищники. И не факт, что это были бы нурманы. В этом мире нет бесхозной собственности. Разве что – в самых дремучих лесных чащах. Да и то не факт. Духарев помнил, как князь Святослав примучивал лесовиков-вятичей. Никакие чащи не помогли.

Пожелав отроку доброго дня, Сергей слез с вышки и присоединился к товарищам, собравшимся теперь на пристань поглядеть на корабли.

Пацаны бродили от причала к причалу. Восхищались. Но Сергей видел, что из пяти лодий только три – относительно новые. Остальные, будь это его кораблики, Сергей непременно отправил бы на профилактику. У одного разболталось гнездо мачты, и рукава под вёсла пора было поменять. У другого в паре мест доски обшивки чутки покособились. Еле заметно, особенно под слоем смолы, однако, если глянуть под правильным углом... И это значило, что гвозди, которыми доски были прибиты к дуге шпангоута, проржавели или сломались. Это был хоть и не очень заметный, но серьёзный дефект. В хороший шторм доски запросто могли разойтись. Это, кстати, был тот самый корабль, что стоял у причала, когда сюда пожаловали нурманы с полоном.

– Эй! – окликнул он одного из возившихся на палубе людей. – Иди сюда, покажу что-то!

Бородатый мужик, пузатый, но крепкий, лет где-то сорока, полуголый, с татушкой тюленя на руке, выпрямился, глянул на Серегу с удивлением. Всерьёз не принял:

– Иди отсюда, мало й, – проворчал он. – Не мешай.

– Я-то уйду, – сказал Сергей. – Люди куда уйдут, когда в шторм доски рассядутся?

– Это где ж они рассядутся? – возразил пузатый. – Что несёшь? Три седмицы, как днище и борта просмолили.

– А ты иди сюда, я покажу.

– Ну смотри, мало`й, – проворчал пузатый, перебираясь через борт и тяжело спрыгивая на причал. – Ежели соврал, я тебе такого леща отвешу... И не гляну, что детский!

– Вот здесь, – показал Сергей на рискованное место.

– Да нет тут ничего! – заявил пузатый. – Ладно всё.

– Отсюда глянь! – потребовал Сергей. – Вот сюда!

И ткнул в борт подобранным на причале обломком весла.

– Да чего там... Ах ты ж собачий хвост!

Пузатый хлопнул себя по ляжкам, а потом поглядел на Сергея едва ли не с восхищением:

– А ты глазастый, детский. Зовут как?

– Варт.

– Ай молодец, Варт! Откуда в кораблях понимаешь?

– Так у отца моего три судна было. Он меня и научил. Купец он был.

– Умер, что ли? – с сочувствием спросил пузатый.

– С моря не вернулся.

– Беда, – посочувствовал пузатый. – Ну ты теперь княжий. Не пропадёшь. Меня Стожар зовут. Сегодня ж князю о тебе скажу. А уж он тебя без награды не оставит, не сомневайся. И ко мне, если что надо... А! И так заходи. Моё подворье тебе любой покажет.

И полез по доске обратно на лодью.

А Сергея обступили товарищи.

– А ты, Варт, выходит, и в кораблях понимаешь! – сказал Ратша.

– Есть немного, – подтвердил Сергей.

– Ага, немного! Самого Стожара поучил, а он – главный княжий корабельщик. Ох, чую я: будем мы когда-нибудь под твоим началом в бой ходить!

– А что, я не против, – сказал ещё кто-то.

– И я.

– И я.

– Ну что, Варт, куда пойдём теперь? – спросил Ратша, явно передавая Сергею лидерство.

– Это уж ты решай, друже. Я здесь три седмицы только, а ты небось всё интересное знаешь. Покажешь?

– А то! – оживился Ратша. – Пошли, братья, на косу. Там бабы бельё стирают. Заголяются аж по жопки!

Не то чтобы Сергея могли заинтересовать бабы жопки, но он пошёл. Нехорошо отрываться от коллектива, который только-только признал тебя вожаком.

Глава 6

Князь Стемид

– А с виду и не скажешь, – произнёс князь Стемид, разглядывая Сергея. – Геллирова сына побил, это ладно. Но лодья... Стожар уж так тебя расхвалил. А он на доброе слово скуп. Вот обругать – другое дело, тут его не всякий пёс перегавкает! – Князь и сыновья засмеялись.

Все, кроме Рёреха. Средний сын глядел на Сергея так, словно хотел заглянуть ему прямо в голову.

– Но в одном он прав: услугу ты нам всем оказал немалую. Что скажешь?

– Рад я, княже, – скромно потупившись, пропищал Сергей. – Вы меня от нурманов спасли, в детские приняли. В долгу я теперь неизбывном. А тут хоть какую помощь оказал.

– Ну с нурманами это скорей не мы, а Варт нам помог, – вмешался Рёрах. – Не вырвись он да не крикни, что у нурманов полон, несправедно взятый...

Стемид покивал.

Сергей нисколько не сомневался, что отнятые у нурманов люди домой не отправились, а остались впахивать на варяжского князя. И не факт, что вольными, а не холопами.

Но мысли свои оглашать не стал.

Беседовали они не в большом зале, а в светлице на втором этаже. Небольшой и уютной. С довольно изысканной мебелью и даже с парой стульев с высокими резными спинками. На одном из них и восседал Стемид. Второй был свободен. Княжичи расположились кто где. Турбрид прохаживался у окна. Рёрах – позади отца, опершись на спинку стула. Трувор – на сундуке, накрытом сверху небольшим ковром.

– Пестуны его хвалят, – подал голос Рёрах. – Учится, говорят, быстро и себя не жалеет.

– Что себя не жалеет, это я вижу. – Князь глянул на обмотанную тряпицей руку Сергея. – А ещё говорят: на коне он хорош, но ездит не по-нашему. И стремена укоротил по-степному. Почему так? – и вперил в Сергея взгляд, от которого у пацана Варта мурашки побежали по спине и захотелось пасть на колени и в чём-нибудь покаяться.

В следующую секунду Сергей совладал с мальчишескими инстинктами, но так даже лучше вышло, что сначала он испуг показал, а не встретил грозный взгляд князя без робости.

– Так я ж с юга! – ответил он. – У нас так многие ездят. Так и стрелять, и рубить с седла сподручней.

– И ты это умеешь? – тут же спросил Стемид.

Сергей вздохнул удручённо:

– Я три года на коня не садился и оружие в руки не брал.

– А что так?

– Ноги я сломал, – сообщил заранее придуманную отмазку Сергей. – На скалу полез – и сорвался. Пока залечились, отец меня к другим делам определил. Языки учить, книги вести, доходы-расходы считать. А потом так и оставил.

– Почему? – спросил Стемид. – Ноги у тебя вроде крепкие. Не хуже, чем у других.

– Ноги – это да, – подтвердил Сергей. – Лекарь у нас хороший. Из дальних краёв. Но отец сказал: вои у него есть. А дела вести, да переговоры, да на ромейском письма писать, таких у него нет. Он меня многому учил, отец. И в товарах понимать, и в кораблях, и в людях. Я хорошо учусь, я понятливый.

Слушали его очень внимательно. Турбрид даже ходить перестал.

– Только не по сердцу мне было добро записывать да прибыль считать, – продолжал Сергей. – Я воином стать хотел. И сейчас хочу. И стану! – воскликнул он, изображая страсть.

– Станешь, – успокоил его Стемид. – Как, говоришь, твоего отца звали?

Сергей был уверен, что князю известно имя его придуманного отца. Если уж он такую деталь, как стремена, выяснил, то это уж точно. Но повторить нетрудно.

– Удато!.. Мы у вас семь лет назад были, когда в Бирку шли.

Князь потёр лоб, вспоминая... Не вспомнил. Трудно вспомнить то, чего не было.

– А тебе тогда сколько было? – спросил князь.

– Как раз весной пять исполнилось. Вот отец меня с собой и взял. А у меня память цепкая! – похвастался Сергей. – Я и тебя, княже, запомнил, и сыновей твоих храбрых. Только вот у него тогда этого не было. – Сергей показал на Трувора и провёл рукой по щеке.

– Вот ведь мало! – произнёс Трувор. – Двенадцатый год, а рассуждает, как муж умудрённый. А скажи что-нибудь по-ромейски.

– Мне нравится здесь, княжич. И вы все мне нравитесь. И всё вокруг, кроме воды в озере. Потому что холодная она, – на языке ромеев выдал Сергей.

Хорошо вышло, без запинки. Голосовой аппарат Варта уже привык воспроизводить иностранную речь.

– Это что ты сейчас сказал? – уточнил Трувор.

Сергей перевёл.

– Вода, значит, холодная, – произнёс Трувор. – Есть у нас воды и потеплее.

И посмотрел почему-то на Рёреха.

– Сходим и на Белозеро, – отозвался тот. – Отпусти детского, отец. А то он уже минут пять топчется, словно по нужде надо.

Тут только Сергей заметил, что и впрямь переминается с ноги на ногу. Вышедшие из-под контроля пацанские рефлексы взяли управление конечностями на себя.

– Отпущу, – сказал князь. – Сейчас. Но сначала отдай ему заслуженное.

Рёрах протянул Сергею длинный свёрток:

– Разверни.

Это был меч. Небольшой. В обитых тёмной кожей потёртых ножнах.

Сергей вынул его, глянул вдоль клинка. Не сказать, что нечто выдающееся, но качество неплохое. В руку лёг хорошо, и баланс ничего так. Сергей пару раз взмахнул, чтобы убедиться. А главное – почти по его, Сергея, росту и силе. Может, длиннее на вершок и грамм на сто тяжелее, чем надо, но он дорастёт. Замечательный подарок.

– Мой, – сказал Рёрах. – Я с ним в детских ходил.

Сергей молча поклонился. Сначала сыну, потом отцу.

– Теперь ступай, – разрешил Стемид.

– Непонятный он, – заметил Трувор, когда детский вышел. – На меч глядел так, будто держал и получше. Я б, получи такой, до стропил прыгал бы от радости. А я – сын князя.

– Я тоже прыгал, – сказал Рёрах. – Когда ты мне его передал.

– А вы заметили, как он его взял? – спросил Трувор. – Первым делом проверил: как по ладони, по силе. Пригоден ли? Будто опытный вой, которому в бой завтра.

– Ну и молодец, – подал голос младший. – Я б тоже так сделал. Что плохого?

– Ему двенадцать, – напомнил Трувор.

– Не годы умудряют, а дела, – возразил Рёрах. – И беды. Так, бать?

– Так, – согласился князь. – Но с Трувором я согласен. Непонятный он, твой Варт. Мало!й, а глядит, будто взрослый. И знает много. Жаль, убили отца его. Я бы с таким потолковал.

– Делать с ним что, с таким загадочным? – спросил Трувор. – Вдруг он засыл чей?

– И чей он, по-твоему, засыл? – тут ж ошетинился Рёрах. – Нурманский? То-то они на него рабский ошейник надели!

– Ну так это и изобразить можно. Чтоб ты поверил.

– Я тоже там был, Трувор, – напомнил Турбрид. – Никто там ничего не изображал. Уверен.

– А я б его всё равно из города убрал, – настаивал Трувор. – Тогда точно от него худого не будет.

– Мальца испугался, братец? – сощурился Рёрах.

– Корабль поджечь и малец может.

– Довольно, – вмешался Стемид, и братья тут же умолкли.

– Худого мы от него не видели, – сказал князь. – Да, он непонятный. И про то, что ноги сломал, точно врет. Значит, было у него такое, о чём он говорить не хочет. Может, стыдное, может, страшное, не знаю.

– А я Варту верю, – вдруг сказал Турбрид. – Не вижу в нём гнили.

– Вот и я не вижу, – согласился Стемид. – Но вижу: воин из него может вырасти добрый. Нам такие нужны. Так что останется Варт. Но пригляд за ним нужен. И пригляд – на тебе, – князь посмотрел на Рёрах.

Тот кивнул:

– Пригляжу, бать, не сомневайся.

– Уж пригляди. И случай выпадет, Избору его покажи. Я в мальце тоже гнили не вижу, но я смотрю, а Избор ведаёт. Но это – по случаю. Так-то тебе не до того будет. Белославль я на вас с Турбридом оставляю, – сообщил Стемид. – И два корабля.

На лицах младшего и среднего братьев выразилось недовольство. Турбрид даже рот открыл, возразить...

Но Стемид несильно хлопнул по столу, и сын смолчал.

– Вы тут, а я на «Покорителе» в Белозеро, в град стольный. А ты, Трувор, на пяти лодях спустишься к морю нашему, к городку Чаичий и оставишь там «Перунов Блеск», он из наших кораблей – самый быстрый. А сам пойдёшь к дядьке своему Рёнгвальду, а дальше – с ним, куда он скажет.

– Бать, а как же даны, что сюда идут? – просил Трувор.

– Какие даны? – тут же влез Турбрид, но ему не ответили.

– Ты с ними биться, что ли, намерен? – спросил Стемид. – С Кнудом Свенсоном? Кнуд-конунг пусть и морским считается, но силёнок у него точно не меньше, чем у нас. И данов, которым свейские конунги не по нраву, и норегов, жадных до добычи. Схватиться с ними можно, только зачем? За кого нам в той битве гибнуть?

Трувор промолчал.

– То-то. Не наша это боль. Но предупредить должно. Потому «Перунов Блеск» в Чаичьем и оставишь. А тебе, Рёрах, ещё вот какое дело будет...

Глава 7, в которой Сергей понимает, что ему нужна новая «легенда»

Прошла неделя. Исполнился ровно месяц с тех пор, как Сергея приняли в детские.

Буру официально сообщили, что с заданием он справился. Его подопечный успешно влился в коллектив.

Но общение с опекуном Сергей не прекратил. По-прежнему учил его нурманскому.

Бур в долгу не оставался. Всегда помогал, если требовалось. В том числе восстанавливать воинские навыки. Отроку и самому было интересно. Он удивлялся тому, насколько быстро прогрессирует детский Варт. Сергей оправдывался тем, что многое когда-то уже умел, а сейчас лишь вспоминает.

А ещё он думал над новой «легендой». Потому что старая, с «купцом Удатой с юга», рано или поздно вскроется. И тогда понадобится другая. Которая заодно объяснит и то, почему он солгал. Такая, которую проверить гораздо труднее, и неплохо бы включить в неё благородное происхождение. Сергей хорошо знал геополитический расклад того времени, в котором он жил раньше. А вот то, что было почти за полвека до того, как он угодил в прошлое из двадцатого столетия, Сергея как-то не особо интересовало. А жаль. Зная расклад, было бы легче подобрать себе новых «правильных» родителей.

А ещё было бы неплохо выяснить, кем прежде был паренёк, тело которого ему досталось.

Но всё это можно было отложить. Сейчас надо в первую очередь позаботиться о том, как подняться на следующую ступень – из детских в отроки. А для этого надо тренироваться и ещё раз тренироваться.

Рёрах пришёл вечером, после ужина. Когда у детских – свободное время. У детских, но не у Сергея. Сегодня у него по плану восстановление навыков верховой езды. И попутно – обучение Пепла. Коник оказался толковым и послушным. Сергей был уверен, что со временем можно даже подготовить его для боя. Нет, настоящим боевым жеребцам Пепел не чета. Породы не хватает. И размеров. Но натренировать его так, чтобы можно было стрелять и рубить с седла, – это вполне. Хотя у варягов так не принято. То есть они могут и рубануть, и копьё метнуть, но на своих двоих у них получается лучше. Их настоящие кони – корабли. Как и у нурманов. Но Сергей считал: нет такого воинского умения, которое не пригодится.

Впрочем, сегодня он обучал Пепла другому: ложиться по команде и замирать.

Для общительного и активного конька это было непросто. Но ради хозяина он был готов немного потерпеть. Минуты три. Потом его пришлось бы удерживать силой, а этого Духарев не хотел. Дружба важнее. Он утешал себя тем, что со временем Пепел станет поспокойнее.

Во время этой тренировки Сергея и застал Рёрах.

Подошёл бесшумно. Стоял и смотрел. Как долго – Сергей не знал. Но он вроде не сделал ничего лишнего, так что ладно.

Назвать среднего сына варяжского князя красавцем было бы преувеличением. Слишком резкие уже и сейчас, в молодые годы, черты надменно-властного лица выдавали присутствие в нём немалой доли нурманской крови. Но здесь это не имело значения. Рёрах родился варягом, и варяжская Правда была его законом, а словенский язык – родным. Хотя на языке матери он тоже говорил свободно и законы людей Севера – свеев, данов, норегов – знал досконально. Всё это Сергею было известно ещё из прошлой жизни. Он многое знал о своём наставнике, которого не просто уважал – любил. Как отца.

И сейчас, когда Сергей смотрел на семнадцатилетнего княжича, в чертах того будто сами собой проступали черты другого Рёрах, старого. И та привязанность, которую испытывал тот Сергей к своему пестуну, невольно переходила и на молодого.

Потому, увидев княжича, Сергей не мог сдержать радостной улыбки.

Рёрах улыбнулся в ответ. Скупо. Чувствовалось, улыбаться ему непривычно.

– Полезному конька учишь, – похвалил он. И добавил по-нурмански: – Хочу тебя в поход взять. Завтра с рассветом будь готов.

– Землёй или водой? – уточнил Сергей.

– Водой. В Ладогу пойдем.

Повернулся и ушёл. Был – и словно не было. Только примятая сапогами трава осталась.

Радоваться или нет? С одной стороны – график тренировок летит к чертям. С другой – княжич его с собой берёт, явно выделив из прочих детских. Если бы шли куда-нибудь подальше, Сергей мог бы предположить, что от него потребуются услуги переводчика. Но не в Ладоге.

Однако его берут. И это вроде бы неплохо, но возникает вопрос: зачем? Проверить или поощрить? Скорее всего – первое. Так что ухо надо держать востро.

– Говорил, из лука умеешь бить?

Сергей не помнил, чтобы говорил Рёраху такое, но на всякий случай кивнул.

– Тогда держи, – княжич вручил ему лук в налuche и берестяной колчан с крышкой.

Лук... М-да. В прежней жизни Сергей порекомендовал бы этакой палкой кашу мешать. Но в этой надо быть скромнее.

Он извлёк уложенную в просмолённый мешочек тетиву, сунул древко между ног и не без труда накинул петлю. Руками бы, пожалуй, и не смог. Хотя сам лук оказался не особо тугим.

Сергей потянул тетиву. За ухо, как привык, не получилось, вышло только до щеки. Подержал внатяг три секунды и очень плавно отпустил.

Где-то килограммов на двадцать натяжение выходит или поменьше. Считай, под его руку.

Теперь стрелы... Ну да, качество примерно под лук.

– Что не так? – спросил Рёрах, внимательно за ним наблюдавший.

– Да нет, годный лук. Пострелять бы!

– Не на лодье. Хочешь, ножи покидай. Дать?

– Дай.

И Сергей получил перевязь с шестью метательными ножиками, с треугольной формы клиночком и кольцом в основании.

В искусстве метания Духарев и прежде был не особо. В лучшие годы попадал парой ножей в тыкву с десяти шагов, но и только. Метательный нож – оружие последнего шанса. А уж в Диком Поле полагаться на него вообще смешно. Раньше метал так себе, а теперь уж, наверное, совсем никак...

Но получилось на удивление неплохо. Причём уже с третьего захода. Вероятно, парнишка был не чужд этого дела ещё до прихода в его тело Сергея. Жаль, нельзя заглянуть в какой-нибудь «телесный информаторий» и проверить, какие ещё умения там хранятся. Вдруг что-то полезное?

Лодья отошла от берега. Гребцы навалились на вёсла, разворачиваясь против течения.

– На-ка. – Кормчий, которого звали Прастен, сунул ему в руку било.

Мимо, постепенно разгоняясь, побежал ладожский берег. Сергей сидел на палубе рядом с кормчим, лупил в медный диск колотушкой и непонятно почему был совершенно счастлив.

Глава 8

Ладога, ладожские гости и геополитика

До Ладоги дошли быстро. И она так же, как и Белославль, оказалась побольше той, которую помнил Сергей. Только крепость осталась прежней и выглядела посвежее.

Встречали их с почётом. Лично наместник ладожский Годимир, немолодой уже, отяжелевший. Двигался наместник с трудом, но говорил бойко. И пусто. Одни славословия.

Рёрах ответил коротко, но с уважением. Даже поклонился. Впрочем, неглубоко. Велел шести лучшим гридням следовать за собой, а остальных препоручил кормчему.

Оказалось, что у беловодских князей имелаась здесь недвижимость: просторное подворье с собственной пристанью.

После обеда все занялись делом: каждый своим. Кто – на рынок, пополнить припасы, кто под руководством Прастена – проводить техосмотр лоды, которая впервые встала на воду после капитального, так сказать, ремонта. А для Сергея дела не нашлось.

Вот и хорошо. Можно заняться пристрелкой нового лука. Сергей набил драный мешок позаимствованной на конюшне соломой, подвесил к забору в дальнем углу и опорожнил в него весь колчан, кроме пяти срезов. Не потому, что ему чем-то не понравились широкие наконечники, а чтобы мешок совсем не развалился.

Стрелы ложились хорошо, кучно. Но проверить по-настоящему лук на дистанции тридцати метров было невозможно.

Сергей подумал, не пойти ли в лесок, но когда вышел на причал, увидел неподалёку ромейского «купца» и решил сбегать поболтать. Попрактиковаться со стрелами он успеет, а вот подработать языковые навыки когда ещё выдастся случай?

Ромеи оказались не из основной империи, а из херсонской фемы⁷. То бишь крымские. Пословенски они говорили не хуже, чем по-ромейски. А вот по-ромейски говорили не очень. С ярко выраженным провинциальным акцентом. Даже сам хозяин, носивший звучное имя Георгий.

А вот у Сергея выговор был качественный, столичный. Чем он херсонских поразил в самое яблочко.

Так что в итоге его даже пригласили за стол и угостили весьма неплохим вином.

Попутно Сергей узнал, что правит ныне в Константинополе Лев Шестой, чьим отцом официально считался Василий Макенянин, который правил Византией до Льва. А неофициально – император Михаил Третий, которого этот самый Василий сверг.

В общем, обычное дело для константинопольской политики.

Ничем особенным, кроме скандалов с церковнослужителями, нынешний император не отличился. Ну разве тем, что продул войну болгарскому императору Симеону и теперь платил болгарам дань. История сия была Сергею известна. А вот то, что именно при Льве арабы окончательно захватили Сицилию, было для него новостью. Хотя сейчас это было новостью для всех, потому что случилось в прошлом году. Новостью для Сергея оказалось и то, что воодушевлённый успехами болгарский кесарь был не прочь расширить свои владения на черноморском побережье. За счет византийских.

Купцы, однако, очень надеялись, что ничего у Симеона не выйдет. Нет, на помощь метрополии они не надеялись. Рассчитывали на собственное ополчение⁸ и на фемного стратига Иоанна Вогу, который уже успел показать себя неплохим воителем и политиком.

⁷ Фёма (греч.) – военно-административный округ Византийской империи.

⁸ Фемы не платили налогов центральной власти, все налоговые сборы оставались в распоряжении местных властей; со своей стороны центр не выделял денег на содержание воинских сил фем, при этом все дееспособные мужчины фемы были

Помимо относительно свежих новостей из Византии имелись кое-какие новости из Киева, где успешно и энергично правил князь Олег. Щита к вратам Царьграда он прибить ещё не успел, но в Херсоне его воспринимали очень даже всерьёз. И всерьёз же опасались его союза с болгарским кесарем.

Говорить о том, что опасаться Олега стоит не только Херсону, но и Константинополю, Сергей не собирался, а вот для себя зарубочку в памяти сделал: неплохо бы поучаствовать. Силёнок бы только успеть набраться до начала этого славного похода.

А ещё Сергей узнал, что едва не облажался. Ведь он, говоря о том, что родом с юга, имел в виду Тмутараканское княжество. Хорошо ещё, что предпочёл темнить и вслух этого не сказал. А то бы с ходу был пойман на откровенном вранье.

Потому что нынче Тмутаракань называлась Таматархой, и стольный город её назывался Самкерц. И заправляли там не русы, а хузары. А за главного – Булан, наместник и двоюродный брат самого великого хакана всех хузар Беньяху. Буланом звали хузарского верховного правителя, первым принявшего иудаизм. Этот Булан правителем не был, но любил, когда его именовали не наместником, а хаканом.

Ромеи в этой Тмутаракани-Таматархе чувствовали себя как дома, а вот словенские купцы хоть и имелись, но подвизались на ролях сугубо вторых, если не третьих.

В общем, легенда, которую изначально придумал Сергей, трещала по швам. Одно хорошо: ляпнуть «я из Тмутаракани» он не успел.

Удача, однако, мелькнув было розовыми ягодицами, тут же повернулась к Сергею личиком и одарила скупой улыбкой. В команде ромейской обнаружился интереснейший персонаж неромейского происхождения: Истислав-моравлянин.

В прежней жизни Сергей о Великой Моравии только слышал. К концу десятого века княжество сие было стёрто с географической карты. Успев, впрочем, породить одного из главных недругов воеводы Сергея – боярина Блуда.

А вот в этой жизни Великая Моравия существовала и довольно активно: с переменным успехом дралась то с наседающими уграми, то сама с собой.

Вот и папаша заинтересовавшего Сергея персонажа в своё время выбрал не ту сторону. В конфликте законного правителя Маймуна и его младшего брата Святополка папаша встал на сторону Святополка. Святополк продул и смылся к потенциальному противнику, который не преминул отхватить кусок от спорного наследства.

И папаша Истислава тоже сбежал. В Херсонскую провинцию.

Позже братья помирились, но для папы Истислава это значения не имело. Владение его уже было поделено, и пункт о возвращении её прежнему хозяину в сделку между братьями не вошёл. Равно как и амнистия. Сын мятежника возвращаться на историческую родину тоже не планировал. Может, оно и к лучшему, ведь через несколько десятилетий родина кириллицы Великая Моравия перестанет существовать.

Полезное вышло общение. А главное, по ходу его у Сергея возникла неожиданная мысль по поводу новой легенды собственной «биографии».

– Ага, явился! – громогласно объявил первый же дружинник, встреченный возвратившимся на варяжское подворье Сергеем. – Бегом к княжичу. Искал тебя.

– Куда ходил? – не слишком дружелюбно поинтересовался Рёрах.

Княжич был не один. Вместе с ладожским наместником. Руководство выпивало и закусывало.

Сергей ответил. Язык его при этом слегка заплетался. Всё же две чаши вина для неокрепшего организма – это немало.

– Ты пьян, – сделал правильный вывод княжич.

– Да чутка совсем! – запротестовал Сергей. – Что надо, княже?

– Говорил, ромейской грамотой владеешь? На, читай! – Он сунул Сергею в руку кусок кожи.

Сергей прочитал. Расписка. Некий торговец из Константинополя обещал выдать шесть солидов другому торговцу. Судя по имени, тоже византийцу. Стандартный «документ». Именной. В прошлой жизни через его руки прошли сотни таких. Если не тысячи.

– Что скажешь?

– Обязательство, – ответил Сергей. – На шесть золотых монет.

– То есть её можно обменять на шесть золотых?

– Можно, – подтвердил Сергей и заулыбался. Настроение у него было замечательное. – Конечно, можно! Но только тому, кому она выдана. И только от того, кто выдал.

– Точно? – вмешался Годимир.

– Точно. Вот хоть у херсонских спросите.

– Так он же, херсонский, барсучий сын, мне её и выдал! – воскликнул Годимир. – Сказал: я ею могу любому ромею или булгарину заплатить! Обмануть меня вздумал? А ты что улыбаешься? Весело тебе?

Рёрах выразительно откашлялся, и наместник ладожский тут же сменил гнев на милость.

– Благодарю, Рёрах Стемидович, помог мне обман выявить.

«Нехорошо получилось, – подумал Сергей. – Георгий меня угощал, а я его подставил. А этот толстяк, он же мне никто».

– Золото по этой бумаге получить всё же можно, – поспешно внёс поправку Сергей. – Если это не тот, чье имя здесь написано, то шесть солидов он не получит. Но если это уважаемый у ромеев человек, то можно получить половину. А то и больше. Зависит от уважения.

Ну да, приди с такой распиской к купцу человек спафария Сергия, коим Сергей был в прошлой жизни, то получил бы весь долг целиком. Однако если отдать перекупщику, то тот даст максимум половину, а скорее всего, и меньше. Опять-таки у получившего расписку могут быть родственники... В общем, для понимающего человека данная расписка – всё же намного больше, чем просто клочок кожи.

Но всего этого Сергей говорить, конечно, не стал.

– Ромейский купец вполне может её принять, – произнёс он рассудительно. – Или тот, кто с ромеями торгует. Но стоить она будет не шесть солидов, а, может быть, два. Вряд ли больше.

– Да? Два можно? – вмиг подобрел Годимир. – Ну тогда ничего. Я её за полгривны засчитал.

Сергей не знал нынешнего курса драгметаллов, но наместник, надо полагать, знал, потому остался доволен.

Вот и хорошо.

О том, что автор расписки мог, например, помереть или отбыть куда подальше из ромейской столицы, Сергей говорить не стал.

Его ведь не об этом спрашивали.

– А толковый у тебя малец! – похвалил Годимир. – Может, уступишь?

Фига се заявка!

– Ты, Годимир, думай, что говоришь! – строго произнёс Рёрах. – Меня обидел. Его обидел. Это детский мой, не холоп.

А наместник-то притрухал. Лицо удержал, но пальчики-сардельки – выдали.

– Я ж по-хорошему предложил, – пробормотал он. – У меня ведь тоже дружина. Такого толкового – хоть сразу в отроки бы взял.

– Забыли, – махнул рукой Рёрах. – Голоден, Варт?

Сергей голоден не был, но ему было очень интересно, о чём таком толкуют княжич и наместник, потому он кивнул.

– Значит, помощи от вас ждать не придётся? – спросил Годимир, выхлебав очередной кувшин медовухи. – А не пожалеете после?

Приняв на грудь, ладожский наместник заметно осмелел.

– Вы её уже получили, – напомнил Рёрах. – Не узнай мы от родни, что даны идут, вы бы тоже не знали. Да и кто сказал, что они грабить идут? Может – торговать?

– Сын конунга данов? Торговать? Железом они торговать будут, вот что.

– Может, и так. – Рёрах покосился на Сергея, но и тот сделал вид, что увлечён утятиной. – Отправь гонца в Новый город, пусть там и решают, как свою землю оборонять. К Хельгу вестника отправьте. Попробуйте, он поможет.

– Олег поможет, ага! – проворчал Годимир. – А потом за помощь такое потребует...

– Это лучше, чем топоры данов.

– Не нужен нам Олег! – сердито проговорил Годимир. – Если всем разом уговориться: Новгороду, Полоцку, вам, да силу общую показать – не рискнут даны безобразничать.

– Общую, говоришь? Как наши данники, которых вы зимой пощипать пытались?

– Это наши данники, – буркнул Годимир. – Испокон наши.

– Вот видишь! – засмеялся Рёрах и похлопал ладожского наместника по предплечью. – Данники, выходит, ваши, а сила – общая? Нет, боярин. Сила у каждого своя. Наша – у нас, ваша – у вас. Сунутся твои мытари к нашим зверобоям ещё раз – поглядим, чья сила сильнее.

– Вы, варяги, и так всё под себя гребёте, – проворчал Годимир. – Уверен, что этот Гормсон сначала к вам не наведается?

– А и наведается, что с того? Городки наши приморские богатств не копят, мыта со всех мимо плывущих не берут, как вы. А железом платить и мы умеем не хуже данов. Нет, друг мой, никто не станет жрать волчатину, когда есть откормленные поросята! – И похлопал Годимира по животу.

Тот сердито отбросил руку княжича:

– Ты не забывайся, сын Стемида! – сердито сказал он. – Я тебя годами много старше. Уважение имей!

– Ну извини, – засмеялся Рёрах, и Сергей сообразил, что и княжич изрядно навеселе. – В знак примирения сделаю тебе подарок: когда корабли Кнуда Свенсона в Неву войдут, ты первым узнаешь. Лодья с вестью к тебе придёт. А отец вам, новгородским, так передать велел: посылайте к Хельгу Киевскому. Не то выпотрошит Гормсон ваши подворья и вас тоже.

– Позвать мишку, чтоб волков отогнал, – проворчал Годимир. – Вы, варяги, все заодно.

«А ведь не так всё просто, – сообразил Сергей. – И о данах Годимиру сообщили не из дружеского участия. Тут большая политика имеет место».

В его прошлой жизни Новгород был под Киевом. Барахтался, конечно. Хвост задира вовсю. Даже князя своего Владимира в походе против брата поддержал. И тот, победив, даже кое-какие льготы Новгороду предоставил. Но как предоставил, так и забрал.

А здесь Новгород вроде бы независим? Или нет? И с Полоцком тоже непонятно. А вот с белозерским князем у Новгорода отношения точно неидеальные...

– Поел? – неожиданно обратился к нему Рёрах. – Ну так чего сидишь? Спать иди. Завтра с утра на кабана пойдём, вон хозяин, – кивок на Годимира, – приглашает. Брал кабана, Варт?

Сергей едва не кивнул, но в последний момент опомнился и помотал головой.

И ушёл, так и не поняв, заметил княжич его заминку или нет.

Глава 9

Языческие традиции

Летний Солнцеворот. Ночь с 22-го на 23 июня. Великий праздник для всех здесь. Равный ему только Солнцеворот зимний.

Сергей не очень представлял, почему именно этот день. Да, ночи снова начинают удлиняться. Что в здешних северных условиях, наверное, актуально. Но ведь праздновали его повсеместно. И на юге тоже.

Впрочем, мнение детского Варта по поводу праздника никого не интересовало. Зато ему было чем заняться. Вчера он завоевал звание чемпиона города в своей, так сказать, возрастной группе. По совокупности результатов, по тому, что в соревнованиях по бегу с полной выкладкой он пришел десятым, в состязаниях по метанию ножей добрался лишь до почётного третьего места, а в метании копий – до второго. Зато в борьбе, фехтовании на деревянных мечах и стрельбе из лука оказался лидером, и это перевесило. Правды ради надо отметить, что наиболее продвинутые детские в состязаниях участия не принимали. У этих были собственные задания: они «сдавали экзамены» для перехода на следующий уровень. В отроки. Среди последних был и задира Траин, который по-прежнему недолюбливал детского Варта, но явной агрессии не проявлял. Впрочем, Сергей был уверен: пусть пацан и не помнил, как его вырубили, но обиду запомнил отлично. И не простил.

Солнцеворот считался праздником всех богов. Ну почти всех. Язычество, как никак. И далеко не у всех жителей Белославля главным богом почитался Перун. Во-первых, потому что не все они были варяги, а во-вторых, потому, что это было непрактично. Что проку от бога воинов тому, кто возделывает землю, разводит скот, ловит рыбу или бьёт зверя? Простому люду куда ближе Род, Волох, Мокошь, Дажьбог, Стрибог и ещё десятка два разных божков, которые более подходили их профессиям. А ведь были ещё персональные племенные боги, родовые и даже семейные. И всевозможная нечисть, которой тоже полагалось по торжественным дням давать взятки. Имелись и совсем несимпатичные персонажи, вроде богини смерти и Нави Морены, от которой не уйдёт никто, и потому задабривать её следует особенно старательно.

В общем, трудно жить на свете язычнику.

Но не всякому. Варягам вот легко. Потому что Перун – бог простой и понятный. В его арсенале – небесный гром и небесные же молнии. И всей этой прелестью он может поделиться со своими последователями, сделав их атаку ошеломляющей, а удары – молниеносными. Перун может войти в тело преданного человека, и тот станет настоящей машиной убийства. В общем, Перун вполне подходящ, если ты избираешь карьеру того, кто всегда готов в его, Перуна, славу пролить кровь. Свою или чужую.

А главный Перунов жрец – это не освобожденная должность, как у какого-нибудь полянского Сварога, а почётная обязанность лучшего из воинов. То есть князя. Или княжича, если князь отсутствует. То есть в данном случае – Рёреха.

Почётной же обязанностью Сергея было помочь Рёреху исполнить обязанности главного жреца Перуна. И не сказать, что это Сергею нравилось, потому что присутствовать при ритуальном умерщвлении людей – не хотелось.

Тем более то были не взятые в плен враги, а просто рабы, которым не повезло.

Однако уклониться возможности не было. Это в прежние времена Сергей мог сказать князю: «Извини, вера не позволяет». А теперь пришлось подать княжичу копьё, коим тот быстро и без малейших эмоций прикончил всех троих. Кровью их помазали губы кумира и другие предназначенные для этого места, трупы унесли, и княжич приступил к куда более

позитивному: свадьбам. Двое дружинников пожелали сочетаться узами со своими избранницами. Вот так – от смерти к жизни.

Главное время свадеб ещё не наступило. Простой народ предпочитал приурочить этот процесс к окончанию сбора урожая. У воинов – другие правила. Когда ты уходишь в поход, из которого можешь не вернуться, на жизнь смотришь по-другому.

Ритуалы завершились, и Сергея отпустили. До заката. И он в компании двух детских, Ратши и Торопа, с которыми особенно сдружился, двинул на рынок, где весело и по случаю праздника бесплатно угощают всякими вкусняшками.

А потом они втроём взяли коней и поехали с седла стрелять зайцев. Не пропитания ради, а просто для развлечения.

Набили девять штук на троих, отвезли в Детинец и отдали на кухню. После на озеро – коней купать. Потом погоняли палками тяжёлый, набитый овечьей шерстью мячик. Так и день прошёл.

Приближалась ночь. Праздничная ночь.

К главной части праздника детских всё же допустили. Зрителями.

Мальчишки глядели раскрывши рты.

Зрелище и впрямь впечатляло. Огонь, острое железо, вспарывающее воздух и, казалось, чудом не задевающее плоть. Какие-то сантиметры – и брызнет.

Не брызгало. Плясали варяги безупречно. Перун Молниерукий незримо парил над ними. Его праздник. И пляски эти – дар ему. Хотя лучший дар для варяжского бога – когда живая кровь струится по клинкам. Кровь врагов.

«Через год и я там встану», – думал Сергей.

Это волновало, но не очень. В эту ночь князь-воевода Сергей взял верх над мальчишкой Вартом. И его больше интересовало, разберутся или нет новгородцы с войском данов. И ещё его интересовал Олег, великий князь киевский, который создаст тот мир, в который когда-то пришёл Серёга Духарев. Очень интересно было бы глянуть на великого князя Киевского. И повоевать под его знамёнами. Очень, очень интересно.

Глава 10, в которой Сергею предлагают усыновиться

Лето проскочило незаметно. В трудах.

Датчане пришли...

И ушли.

В Белославль не наведались.

Ладогу и Новгород тоже не тронули. Как там они себя вели в дальнейшем, Сергей не знал. И не спрашивал. Чтоб не вызвать лишних подозрений. Его задача сейчас – снова стать воином. И получить соответствующий воину статус. Иначе большие дяди, которые тоже воины, никогда не допустят его к своим взрослым играм.

В том, что станет воином, Сергей не сомневался. Но хотелось – поскорее. Жаль, конечно, что здешний молодой Рёрах – ещё не тот мастер, который когда-то обучал Сергея в лесу. Однако Сергей теперь сам кого угодно может бойцовскому мастерству обучить, а уж себя – и давно.

Когда в Белославле отпраздновали конец сбора урожая, Сергей уже мог с пятидесяти метров положить три стрелы в мишень размером с ладонь. А с тридцати прошить правильной стрелой плохонькую кольчугу. Будь у него качественный лук, мог бы бить и подальше, но главная проблема была пока что не в луке, а в нём самом. Силёнок не хватало.

Впрочем, немногие из отроков могли повторить подобное. А уж с седла – точно нет. Потому что большинство варягов раскатывало на лошадях без стремян, гордясь тем, какие они крутые наездники. А вот Духарев прекрасно знал, что со стремянами с седла что бить, что рубить – куда эффективнее. Знал и демонстрировал, так что старшие дразнить его за «дедушкины обвычки», коими полагали стремяна, наконец прекратили. А ровесники – и давно. Для них Сергей стал признанным лидером, которого слушали едва ли не внимательнее, чем наставников. Потому что его советы были точно не хуже.

Понятно, это не осталось незамеченным. И вряд ли нравилось отрокам, курирующим молодняк. Но претензий не было. Скорее всего, потому, что такой приказ поступил сверху. Не мешать и наблюдать.

Однако Духарев обижать парней не хотел, потому сам относился к Буру и Вещелюбу с особой почтительностью. Особенно к Вещелюбу, с которым они – небывалое явление для варяжской дружины – даже медовухи пару раз выпили. Сергей, впрочем, чисто символически. Даже небольшие дозы алкоголя действовали на него как пол-литра водки в прежние времена. Хотелось бы верить: с возрастом это пройдёт. Не то чтобы среди варягов ценилось умение много выпить, но скушать на пиру с десятков заздравных чаш было нормой. И на мужа, который после такого выпадал в осадок, смотрели с жалостью и удивлением.

А ещё у Сергея очень интересные отношения сложились со Стожаром, княжым корабельщиком.

– Дромоны ромейские огненосные – вот страшная сила, – с уважением произнёс Стожар, оглаживая топорик, который только что довёл до необходимой остроты. – Шагов на сто огонь мечут.

– Поменьше, – возразил Сергей. – Шагов сорок.

– Сам видел? – уточнил Стожар.

– Отец рассказывал. Он видел.

– Ага, ага. Я тоже сам не видал. От нурманов слышал. Страшная сила.

– Хороший лук дальше бьёт, – заметил Сергей. – Так что есть и против ромейского огня средства.

– От лука прикрыться можно, – резонно заметил Стожар. – А от огня – как?

Тут Сергею возразить было нечего. Он видел, как от средневекового напалма сгорел целый флот.

– Ты кушай, кушай телятинку-то. – Стожар подложил Сергею новый кусок. – Умом-то ты силен, а ручки вон тоненькие. Эх! Мне б такого сына, как ты! Я б тебя всему научил!

Сергей тактично промолчал. Двое сыновей Стожара погибли в походах. Ещё один служил гриднем у Стемида и был с ним сейчас в Белозере, а последний, четвёртый, от самой младшей жены, коих у Стожара было три, пока что умел только титку сосать.

– Да понимаю, – не дождавшись, сам ответил на вопрос Стожар. – Сам молодым был, в походы ходил. Даже вот к данам плавали, что землю англов под себя взяли. Я б её тоже взял. Хорошая земля. И холопы покладистые. Даны бы её всю под себя подгрести, кабы не один тамошний конунг. А знаешь, как было?

И Стожар выдал очередную историю нурманских завоеваний в переложении на варяжский менталитет.

Сергей такие истории очень любил. В мире, где развлечений не так уж много, хороший рассказчик ценился. Стожар был именно таким.

А ещё одна польза от их вечерних посиделок была в том, что теперь в случае чего он мог на Стожара и сослаться. Откуда знаю? От корабельного мастера слышал.

Ну и поесть лишний раз не мешало. Кормили их и в Детинце неплохо, но разносолами не баловали. А Стожар – баловал. Полюбился ему малыш Варт. И впрямь усыновил бы, если бы тот выразил такое желание. Но Сергей не выражал. Заниматься кораблестроением – не его профиль. А вот дружить со Стожаром было хорошо. И дом у него был уютный. Семейный. Тепло в нём, а Сергею именно такого тепла не хватало. Или не ему, а пацану Варту?

А ещё, когда выпал первый снег, Стожар подарил ему лыжи. Настоящий шедевр, сотворённый им собственноручно. Просто скрипка, а не лыжи.

Сергей встал на них... И понял, что от его навыков биатлониста в новом организме не осталось ровно ничего. С трудом удержался, чтобы не зашагать вразвалочку.

Стожаровы средние дочки-погодки, ровесницы Сергея, захихикали. И усвистали по заснеженному полю к полоске леса. Они-то на лыжах бегали прекрасно.

– Эй, да ты ж с югов! – воскликнул Стожар. – Там у вас, поди, и снега не бывает.

– Бывает, – возразил Сергей, не забывший степь, которую снег засыпал так, что только ковыльные верхушки из-под него торчали. Да вставшие на дыбы заледеневшие днепровские пороги.

– Да вижу я, какой у вас снег, – махнул рукой Стожар, цепляя собственные лыжи. – Дай-ка покажу!

И минут двадцать дотошно объяснял Сергею, как скользить, как правильно толкаться...

Сергей слушал и старательно делал, как сказано. Всё, что ему было нужно, это немного практики.

В общем, через час он передвигался уже не хуже Стожара и даже взялся прокладывать лыжню, когда они углубились в лес.

Стожар был в восторге. И от того, что Сергей такой толковый ученик, и от того, что он, Стожар, такой замечательный учитель.

Последнее Сергей очень старательно подчёркивал. Ему очень хотелось и за роскошный подарок отблагодарить, и старшего друга порадовать.

А с лыжами получилось очень кстати, потому что через два дня княжич Турбрид увёл всех детских в трёхдневный марш-бросок.

И хорош был бы Сергей, если бы не успел к этому времени восстановить навыки лыжника.

Нет, он бы справился, но крайне обидно лидеру плестись в хвосте.

Глава 11

Конкуренты

– Рыбья кость хороша, – сказал Рёрах, оглядывая кучу моржовых бивней. – Но маловата.
– Так год тяжёлый был, господин, – попытался оправдаться старейшина. – Ой, тяжёлый год!

По-словенски он говорил с акцентом. Явно не родной для него язык. А сам дедушка был колоритнейший. Одно только ожерелье из мелких звериных черепов чего стоило.

– И чем же он был тяжёл, старик? – насмешливо спросил Рёрах. – Рыбы много, зверя в лесу полно, мы сами видели, пока ехали. А ты мне дюжину бивней и две кипы прошлогодних шкур? Думаешь, я глупее нерпы? Думаешь, я слеп и не видел тропок в лесу и ваших ловушек? Или не знаю, что твои сыновья ходили далеко на север и вернулись недавно? Скажи мне ещё, что сани их не тонули в снегу от тяжести добытого? Скажи мне, старик, ты и впрямь хочешь уже сегодня отправиться к своим богам?

– Я не боюсь смерти, – с достоинством ответил дед. – Я бывал на небесах. У меня там много знакомых.

– Отлично, – одобрил Рёрах. – Тогда сегодня ты с ними поужинаешь. А за недостатку и за обиду я возьму шестерых твоих родичей. Кого – выберу сам. Ты меня услышал, старик, не боящийся смерти?

– Я тебя услышал, господин, – дедушка потянулся к одному из черепушек на ожерелье.

– Руку убрал, колдун! – рывнул Войст, Рёрахов гридень, поигрывая топориком. – Только посмей – и мы вырежем весь твой род!

– Да пусть давит, Войст! – засмеялся Рёрах.

Хорошо так засмеялся. Звонко, радостно. Но то была особая радость. Так радуются нурманские берсерки, когда появляется возможность кого-нибудь порешить.

– Пусть давит. Что его звериные духи против Перуновых молний? И против наших мечей. А ты решай быстрее, старик. Я проголодался, и мне не терпится отведать вашей солёной рыбки.

– Ты убедил меня, господин.

Дедушка вспотел от страха, но всё равно старался сохранить достоинство. Молодец!

– Ты убедил. Я дам тебе то, что тебя удовлетворит.

Он крикнул что-то по-своему, сел на снег, скрестил ноги и предложил то же сделать и варягам: мол, придётся подождать.

Варяги, впрочем, остались стоять.

Посланные вернулись минут через тридцать. И приволокли... бивень мамонта. Здоровенный. Местные тащили его втроём.

Рёрах нахмурился...

– Нет, господин, не мы убили земляного моржа, – угадал его мысль дедушка. – Он умер давно. Сам посмотри.

Рёрах посмотрел. Кивнул.

– Теперь сполна? – уточнил дедушка.

– Да, – подтвердил княжич. – Но ты, старик, должен ответить на мой вопрос...

Нет, Рёрах всё-таки молодец. Такие интеллект, наблюдательность и знание психологии у человека, у которого только-только усы пробились... Нет, Сергей видел подобное. Например, у своих сыновей. Но у тех учителя были – наилучшие. Например, этот самый Рёрах, но уже с полувековым опытом. А кто развивал интеллект варяжского княжича Рёрах?

Однако факт остаётся фактом. В то время как Сергей разглядывал колоритных туземцев и их собранные из глины и камней домики, прикидывая, насколько аборигены могут быть

опасны шести варягам, если вздумают драться, княжич наблюдал за дедушкой. И сделал правильный вывод: жмётся тот не потому, что жалко добра, а потому что хочет приберечь часть дани для чего-то ещё. А кто же эти «ещё», ради которых дедушка готов пожертвовать жизнью? И как пригрозить тому, кто не боится смерти?

Правильно. Тоже смертью. Родичей.

И догадка подтвердилась, когда уже Рёрах покусился на дедушкину родню. Когда дедушка согласился расстаться с бивнем, который, скорее всего, имел ещё и какое-то сакральное значение. Священный предмет отдал, а положенную дань – нет.

Значит, что? Ему нужна именно дань. Товар.

Для чего?

Для того, чтобы откупиться от кого-то, не менее опасного, чем варяги.

Дальше Сергей уже и сам мог догадаться. Особенно после подслушанного в Ладоге разговора между княжичем и наместником Годимиром.

Подробности они узнали уже за трапезой. Хозяева угощали. Ну и гости тоже проставились. Один из бочонков с медовухой, которые везли специально для таких случаев. Как угощение. Мелочь, а для самолюбия данников приятно. И вкусно. В здешних лесах пчёлы не водятся, а алкогольный продукт, который местные получают из козьего молока... В общем, пить его только местные и могут.

Предположение Сергея оказалась верным. Конкуренты. В конце лета в селении побывали некие нурманы, заявившие, что представляют Новгород. Сказали: дань теперь надо платить им, а не варягам. Как снежок выпадет, так они и придут. И не дай родовые боги, чтоб у дедушки с роднёй этой самой дани не оказалось.

У соседей нурманы тоже побывали. С аналогичным заявлением.

Ни дедушка, ни его родня не сомневались: придут. И возьмут. И дать придётся. Потому что иначе совсем плохо будет.

Почему не сказали сразу?

«Дык, это... А что тогда? Вот вы, варяги, приходите, берёте и уходите. А до остального вам дела нет, пояснил дедушка. А что не так, сразу убить грозитесь».

– А сколько их было? – спросил Рёрах.

– Так мы не считали, – ответил дедушка. Много. Корабль большой.

Рёрах задумался. Ситуация была, прямо скажем, непростая.

Нет, большой корабль в понимании дедушки – необязательно драккар на два десятка румов, а «много воев» вполне может означать дюжину.

Но даже два десятка нурманов – это очень серьёзно для их маленького отряда.

Дал бы дедушка знать сразу после посещения конкурентов, всё было бы отлично. Пришёл бы Рёрах не с шестью воями, один из которых вообще детский, а с сразу с полусотней.

А теперь – что?

Один детский, два отрока, два опоясанных гридня и сам Рёрах. Четвёрку ездовых можно за воинскую силу не считать. Смерды. Против таких же смердов – ещё куда ни шло. Но любому нурману вся четвёрка – на один зуб. Минута работы максимум.

– Вышли, – велел Рёрах дедушке.

Тот забрал родню и освободил помещение. Внутри остались только варяги.

– Совет, – объявил княжич. – Что скажете, братья?

– Дождёмся – и всех убьём! – кровожадно заявил отрок Наслав.

Молодой, дерзкий, очень гордившийся тем, что прадедом его был сам Трувор Жнец.

– В черёд говорить будешь, – осадил его Шибрень, второй гридень в их отряде. Очень сильный, очень рассудительный и абсолютно лишённый честолюбия. Будь он поактивнее, уже

давно был бы сотником, но Шибрень предпочитал подчиняться и не любил отвечать за других. Зато варяжское обычное право знал отменно.

– Так я ж младший! – оторопел Наслав.

– Не ты, – сказал Шибрень. – Говори, Варт.

Сергей удивился немного, но подачу принял. И понял, что всё справедливо. Дойди до драки, он тоже в ней будет участвовать. И тоже может быть убит. Хотя не хотелось бы.

– Я бы первым делом ездовых с санями на погост⁹ отправил, – предложил Сергей. – Толку от них в сече немного, а так и добро отвезут, и о нурманах расскажут. А нам припасу взять дней на семь, из сельца уйти и ждать, пока нурманы придут. Может, к тому времени и подмога успеет. А нет, так сначала посмотрим: если много их, бить не будем. Они ж не в тот же день обратно пойдут, ещё и других данников обирать станут. Особенно если узнают, что мы были и ушли. Тогда за ними проследить надо. И ждать подмоги. А когда подойдут наши с погоста, тогда бить. – И добавил – вишенкой на торте: – А что они взять успеют, по праву нашим будет. Добыча ведь. – И посмотрел на княжича таким умильным котиком: наше ведь, не возражаешь?

– Вот! – похвалил Шибрень. – Детский, а как рассуждает умно. А ты «бить!»

– А ведь больше и добавить нечего, – произнёс Рёрах, пристально глядя на Сергея. – Так?

– Верно, Стемидич, – поддержал Войст. – Ай да мало й! Говорили в Белославле, что ты умник, Варт, а вот не врали, оказывается.

Сергей зарумянился. Мальчишеский организм отреагировал на похвалу.

– Быть по сему, – решил Рёрах. – Шибрень, собери всё на десять ночей в лесу. Чтoб запас был. И ездовым наказ дай. А ты поспи пока, – сказал он Сергею. – Хотя и умен ты, но мал покуда. Выспись в тепле напоследок.

В лесу устроились хорошо. Выкопали ямы в снегу, наверху шалаши из веток сложили, накрыли их снегом, а продухи в ветвях спрятали. Так мишки делают, чтоб берлогу замаскировать. Внутри землянок пол ветками выстелили, а на ветки – шкуры волчьи. Жилища получились тёплыми. Градусов пять примерно и не дует. Спать нормально. А что душновато, так в домах воздух бывает и похуже. Холодно было тем, кто снаружи, в дозоре, но тоже терпимо. Они от огня грелись. Клади на угли три брёвнышка: два рядом, одно сверху. Если правильно сделать, такой костёр всю ночь горит и дыма немного. Этому костру ещё в начале прошлой жизни Духарева старый Рёрах обучил. Рядом с таким зимой запросто ночевать можно. Проблема возникла только в одном случае: если на тебя охотились и дым мог выдать. Дыма, впрочем, было немного. А ещё такую лесную печь можно было регулировать: приподнял брёвнышко чуток – жар увеличивается. Правда, и прогорит быстрее. Другое положить придётся. А если уж совсем морозище, можно два таких костра соорудить и между ними улечься. Но нынче был не тот случай. Даже ночью температура, по прикидкам Сергея, не падала ниже десяти.

В общем, ночью спали, а днём контролировали окрестности. В селение не заходили. Пусть там тоже думают, что варяги ушли.

Проблема возникла только один раз: когда на след разведчиков набрёл местный охотник.

К счастью, последний домой не побежал, а отправился выяснять, кто это по их лесам шарится.

Тут его и перехватили.

Профилактическую беседу провёл Рёрах лично:

– Знаешь меня?

Перепуганный охотник, стиснутый с двух сторон парой здоровенных варягов, быстро закивал.

⁹ Напомню, что погост в данном случае не кладбище, а место, куда свозилась собранная дань.

– Убить тебя?

Охотник замотал головой.

– Ты нас не видел. Никому ничего не скажешь. Иначе не только тебя убьём, но и весь твой род до четвёртого колена вырежем. Ты услышал меня, человек? Вот и хорошо. Отпустите его. Теперь беги!

– Пусть бы ещё богами своими поклялся, что будет молчать, – проворчал Войст.

Рёрах глянул на гридня... неодобрительно.

– Полагаешь, моё слово весит меньше, чем его клятва? – поинтересовался он.

– Прости, батька, не подумавши ляпнул, – смутился гридень.

Рёрах кивнул, а Сергей отметил, что Войст впервые назвал Рёраху батькой. Хотя формально «отцом» их считался Стемид, которому гридь и приносила клятву.

Мытари-конкуренты пришли на четвёртый день. Санний поезд. С ним – одиннадцать ездовых и четырнадцать воев.

Шли конкуренты, надо отметить, не как хозяева по собственной земле, а с бережением. То есть сначала на тракте появилась пара лыжников, изучавших, нет ли на дороге следов, и активно вертевших головами в поисках засады.

Засады не было. Был секрет, состоящий из Сергея и отрока Наслава. Отрок, едва завидев лыжников, тут же прошептал:

– Я их обратаю, а ты тут посматривай.

– Стой, дурень, – прошипел Сергей. – Это разведчики.

– Ты кого дурнем назвал? – вскипел Наслав. Но тут до него дошёл и основной смысл сказанного: – С чего они разведчики?

– Да с того, что налегке идут и глазами шарят, – буркнул Сергей.

– И впрямь, – согласился Наслав. – А я и не подумал. Точно дурень. – Он беззвучно засмеялся. – Побежали к нашим?

– Успеем. Сначала глянем, для кого они разведывают.

Ждать пришлось недолго.

Минуток через пять появилась и основная группа. Из одиннадцати саней семь было уже загружено с верхом. На остальных ехали вои. Кроме главного. Этот – верхом, впереди обоза. Шишак золочёный, плащ синий на круп коня падает. Красава! Идеальная мишень, когда вокруг всё белым-бело.

– Вот теперь побежали, – сказал Сергей, и Наслав первым сорвался с места.

Сергей был не против. Наслав – лось здоровый. Пусть лыжню и прокладывает.

У самого лагеря отрок остановился и попросил:

– Ты, Варт, это... не говори княжичу, что я это... чуть не оплошал!

– Так ты и не оплошал, – дипломатично заметил Сергей. – Подумал вслух, а потом передумал. О чём тут говорить?!

Наслав заулыбался, хлопнул Сергея по плечу так, что у него с тулупчика снег осыпался, и побежал дальше.

Неплохой парень. И на самом деле не так уж глуп. Просто действие у него ум опережает.

Наблюдать за селением, в которое пришли незваные гости, Рёрах отправился лично. С собой взял Войста и Сергея. Причём последнему была отведена, как оказалось, особая роль. Но это выяснилось позже.

Да, чуйка не обманула. Хозяевами санного поезда оказались не какие-нибудь купцы, а именно самообъявленные мытари. Те самые, которых и ждали. Потому что начали они именно с дани, которую местные им и выдали. Рыбым зубом, шкурами и топлёным жиром в бочках.

Но этим дело не закончилось, потому что, собрав налоги, господа мытари выступили уже в ином качестве. Торговцев.

Вниманию местных были предложены разные полезные вещи: металлическая утварь, крючки, иголки, ножи, наконечники для гарпунов, ткани и прочие полезные и приятные глазу вещи, производство которых у местных жителей было не налажено.

Очень грамотный ход, потому что при виде разложенных богатств местные снова полезли в хранилища, и наторговали незаконные «налоговики» едва ли не больше, чем взяли просто так.

– Хитро, – одобрил Рёрах.

Самому княжичу такое и в голову не приходило. Ну не было у него торговой жилки. Впрочем, у Рёреха старого её тоже не было. Тот просто брал, что считал нужным, за цену, которую считал правильной.

– Если заночуют здесь, ночью их и возьмём, – решил княжич.

– А если нет? – спросил Войст.

– Тогда сделаем по-другому, – ответил Рёрах и со значением глянул на Сергея.

Заинтриговал.

Конкуренты на ночлег в селении не остались. Это была плохая новость.

Но были и две хорошие.

Первая: дедушка не проболтался о том, что проболтался Рёреху о мытарях «второй волны». Как и ожидалось. С чего бы ему доносить самому на себя?

А вот вторая была неожиданная и действительно очень хорошая: нурманов в этом отряде было всего двое.

Глава 12

Сергей впервые участвует в настоящем сражении

– Ты кто? – Воин в золотом шлеме глядел сверху, с седла, на мальчика, которого привели разведчики.

– Коргей я! – пискнул малец, не поднимая глаз. – Дядька меня послал. Сказал: «Беги, Коргей, быстро-быстро к соседям в Илкас. Там – важный господин сейчас. Надо сказать ему: „Не ходи к нам, важный господин! Нехорошо будет!“»

– Почему – нехорошо? – спросил воин.

– А важный господин меня наградит? – пискнул малец. И тут же получил подзатыльник, от которого у него слетела шапка.

Малец ловко поймал её на лету и снова нахлобучил на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.